

18+

МАРГАРИТА ЯВОРСКАЯ

СТРАНА
ДОЧЕРЕЙ

НАСЛЕДНИЦА

ТОМ 1

18+

Маргарита Яворская

Страна дочерей. Наследница

«Издательские решения»

Яворская М. А.

Страна дочерей. Наследница / М. А. Яворская — «Издательские решения»,

В мире, где женщины живут веками и управляют Великими Домами, семьдесят пять лет — не почтенный возраст, а всего лишь начало взрослой жизни. Но вместо беззаботной юности Рейне достаются кольцо, титул и старые тайны. Рядом окажутся те, кого она выберет сама, и те, кого приведёт в её жизнь случай. Ей придётся узнать цену власти, преданности и Дара, который способен связать две жизни крепче любых клятв. И однажды — узнать правду о том, какой ценой была создана Анимара, Страна дочерей.

© Яворская М. А.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Мир до бури	6
Глава 1. День рождения	6
Глава 2. Последнее лето	16
Глава 3. Дочь Матроны	23
Глава 4. Цена Дара	29
Глава 5. Пустой дом	35
Глава 6. Сила слова	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Страна дочерей Наследница

Маргарита Яворская

© Маргарита Яворская, 2026

ISBN 978-5-0071-1181-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Страна дочерей

Том 1

Наследница

Часть 1. Мир до бури

Глава 1. День рождения

Подготовка к совершеннолетию юной наследницы Рейны Ди Фейт началась с рассвета, в конце концов, девушке лишь однажды исполняется семьдесят пять лет!

К тому моменту, когда первые лучи солнца коснулись восточных башен поместья, в покоях наследницы уже царил предпраздничный хаос.

Служанки спорили из-за украшений, портнихи — из-за длины подола, а управляющая церемониями — из-за всего сразу.

— Нет, нет и ещё раз нет! — возмущалась она. — Госпожа Матрона велела использовать золотые нити, а не жемчужные!

— Но жемчужные лучше сочетаются с платьем!

— А золотые — с волосами госпожи!

— Это платье выбрала сама Матрона!

Рейна сидела перед зеркалом и почти не слушала, о чём там снова спорят служанки. К её дню рождения начали готовиться заранее, так что сегодня оставалось лишь собраться.

— Госпожа, пожалуйста, не сутультесь, — простонала одна из служанок.

— Я не сутуюсь.

— Вы платье помнёте.

— А разве оно не подразумевает, что в нём я буду двигаться и танцевать?

Несколько девушек тихо прыснули от смеха. Сегодня наследница Дома Фейт официально становилась совершеннолетней. После праздника её ждали новые обязанности, новые наставники, новые привилегии и бесконечное количество скучных речей от родственников, считавших своим долгом поделиться мудростью прожитых веков. По мнению самой Рейны, последнее было самым страшным испытанием.

— Госпожа, ваша мать уже прислала за вами.

Девушка встrepенулась. Улыбка невольно появилась на лице именинницы:

— Мама приехала?

— Они прибыли ещё ночью.

— Почему мне не сказали?

— Вы уже спали, госпожа.

Она поднялась с кресла, позволяя служанкам расправить складки платья.

Светло-голубой шёлк свободно струился до самого пола. Ни жёстких каркасов, ни тяжёлых нижних юбок — бабушка считала подобные наряды нелепым иностранным варварством, годным лишь для женщин, которые никогда не покидали собственных гостиных. Каштановые локоны свободно ложились на спину, а чтобы причёска не растрепалась, служанки закрепили их тонкими цепочками с драгоценными камнями. Загар делал кожу Рейны золотистой, а голубые глаза сияли предвкушением праздника.

— Госпожа выглядит прекрасно, — заявила одна из девушек.

— Госпожа выглядит сонной, — возразила другая.

— Госпожа выглядит голодной, — заметила третья.

— Вот это уже правда, — улыбнулась Рейна.

Под смех служанок она покинула свои покои и направилась к западному крылу. Чем ближе становились личные комнаты матери, тем заметнее менялась атмосфера вокруг. Здесь уже почти не встречались женщины-служанки. В коридорах сновали мужчины. Кто-то нёс свитки.

Кто-то распоряжался украшением залов. Кто-то сверял списки гостей.

У дверей покоев матери её встретил высокий мужчина в тёмно-синем камзоле.

— Рейна, — он улыбнулся и слегка склонил голову.

— Доброе утро, мастер Райн.

— Для вас доброе, а мне госпожа позволила поспать не больше двух часов.

— Заслужили!

— Несомненно.

Он распахнул перед ней дверь, Рейна шагнула внутрь и сразу увидела мать. Та стояла у огромного окна, пока двое фаворитов помогали закрепить застёжки платья на её плечах. Третий надевал на свою госпожу жёсткий кожаный пояс, на котором виднелся золотистый оттиск герба Дома Фейт. Все четверо двигались с такой слаженностью, словно много лет исполняли один и тот же танец. Рейна всегда считала свою мать красивейшей из женщин, но в окружении своих мужчин та и вовсе была великолепна.

— Детка, как хорошо, что ты уже пришла, — Элина бросила на дочь любящий взгляд, а потом повернулась к своим мужчинам. Корвин поправлял застёжку на её плече. Двое других — близнецы Тай и Тир — уже отошли на шаг, оценивая результат. Четвёртый, Элиас, держал зеркало, но смотрел не в него, а на хозяйку — с той привычной сосредоточенностью, которая бывает у людей, разделивших с тобой не одно десятилетие.

— Мама, я так рада, что вы приехали на праздник!

— Ни за что бы не пропустила день рождения своей единственной дочери!

— Как дела в столице?

— Шумно, людно и много забот. — Элина пожала плечами, а потом обратилась к своим мужчинам, — Мальчики, вы не могли бы оставить нас ненадолго? Мы с Рейной поговорим.

— Конечно, госпожа. — Корвин слегка склонил голову. — Только не задерживайтесь слишком. Через час прибудет Тея Дей Ма Фейт, а вы знаете, как она не любит ждать.

— О нет! И моя двоюродная бабка тоже приедет на праздник?! — простонала Рейна.

— Разумеется, — мягко ответил тот.

— Вот поэтому я и хочу успеть выпить чаю в тишине, пока тетка не начала отчитывать всех вокруг. Клянусь, среди её фаворитов скоро самым популярным напитком станет успокоительный эликсир! Не представляю, как они выдерживают ежеминутное ворчание.

Мужчины засмеялись — тепло, без принуждения. Элиас, проходя мимо Рейны, чуть задержал на ней взгляд.

— С днём рождения, маленькая госпожа.

— Спасибо, мастер Элиас.

Они вышли. Рейна опустилась в кресло рядом с матерью, с наслаждением вытянув ноги. Ремешки на туфельках немного жали — служанки, вероятно, сделали это нарочно.

— Я хочу сделать тебе подарок, — мать взяла её за руку. — Через месяц в столице — Большой Осенний Аукцион. Лучший за последние десять лет.

— Аукцион? — Рейна приподняла бровь. — Ты хочешь, чтобы я выбрала фаворитов?

— Именно.

— В семьдесят пять? — Рейна усмехнулась. — Бабушка будет в восторге.

— Бабушка в твои годы уже имела двоих. И не нужно гримасничать — ты не ребёнок.

— Вовсе я и не гримасничаю. Просто не ожидала, что свобода закончится так скоро.

— Время идёт быстро, когда его много, — философски заметила мать. — Аукцион хорош тем, что никто никого не заставляет. Мужчины сами подают заявки. Большинству из них от двадцати до тридцати лет, они молоды, талантливы и мечтают попасть в хороший Дом. Для мужчины это не просто удачный союз, Рейна. Это возможность прожить рядом с любимой женщиной не восемьдесят лет, а несколько веков. Ты можешь выбрать любого. Или никого.

— А если они меня не полюбят? Как понять, ради чего мужчина будет пытаться стать фаворитом?

— Слушай своё сердце — оно подскажет. За сотни лет друг рядом с другом даже врага начинаешь считать родным человеком.

— И что мне с ними делать?

— Всё, что захочешь. — Мать откинулась в кресле. — Корвин стал моим советником, но не перестал быть возлюбленным. Лайс — ты знаешь, что с ним всё непросто. Элиас — уже долгое время просто друг. А Тай и Тир... — она усмехнулась, — тебе не обязательно тащить их в постель всех сразу. Можешь смаковать по отдельности, как изысканные лакомства. Поверь, через пару десятилетий ты будешь благодарна, что не торопилась.

Рейна фыркнула, но без возмущения.

— А если я захочу всех сразу?

— Тогда я скажу, что ты моя дочь.

Они рассмеялись обе.

— Вот что, — мать наклонилась ближе. — После праздника ты уезжаешь в столицу с моим благословением и моей казной. Выберешь кого захочешь. Никто не имеет права указывать тебе.

— Даже бабушка?

— Даже бабушка. Это мой подарок, и она его уважает.

Рейна вздохнула, уже открыв рот для привычной колкости, но мать вдруг поднялась с кресла и шагнула к ней.

— Но это не всё.

Она села рядом — так близко, что Рейна почувствовала знакомый запах: сухие травы, старый пергамент, чуть-чуть дыма. Мать взяла её за левую руку, перевернула ладонью вверх. Потом поднесла пальцы к своему запястью — и Рейна услышала тихий щелчок. Браслет распался на две половины. Она не заметила застёжки раньше — золотая поверхность была гладкой, без швов. Но сейчас, под пальцами матери, широкое кольцо разомкнулось, открыв внутреннюю сторону.

Рейна увидела светлую полосу. Почти белую на смуглой коже матери. Место, которого солнце не касалось двести лет.

— Что это? — спросила она тихо, хотя уже догадалась.

— Моя мать подарила мне это в семьдесят пять. — Мать разжала пальцы, и тяжёлые половинки легли Рейне на ладонь. — Её мать — ей. И так до Первых, говорят. Или нет — кто теперь помнит.

Девушка поднесла браслет ближе к свету. Никакого символа Дома Фейт. Ни имени, ни герба, ни даже намёка на принадлежность. Только гладкое золото, чуть тронутое царапинами — следы десятилетий, столетий. И изнутри — едва заметная гравировка, знак, которого она не узнала.

— На нём нет герба.

Мать улыбнулась.

— Это один из браслетов Первых. С ним на руке сама Фейт покинула свой мир.

Браслет оказался тяжёлым. И тёплым — от тепла материнского тела, от долгих лет, от всего, что Рейна не умела назвать.

— Вроде бы он должен был делать меня более плодотворной, или удачливой? — мать усмехнулась. — Понятия не имею, как он работает. Бабушка родила меня поздно, она носила на себе всё, что можно было нацепить. Может, это просто кусок металла. Но он был со мной почти двести лет...

Она взяла половинки из рук дочери, приложила к её левому запястью — чуть выше косточки, туда, где тонкая кожа просвечивала голубизной вен. Щёлкнуло. Браслет сомкнулся, плотно, но не больно. Словно всегда был здесь.

— Теперь он твой.

— Спасибо, — сказала она просто.

Мать кивнула и вдруг улыбнулась — тепло, по-родному, без тени политики и власти.

— А теперь беги. Скоро начнут прибывать гости. Ты будешь встречать их вместе с бабушкой.

К тому времени, когда начали прибывать первые гости, огромный Белый зал уже наполнился музыкой, цветами и тем особенным оживлением, которое появляется лишь перед большим праздником. Когда сотни людей ещё не успели раствориться в толпе, и потому каждый новый прибывший привлекает к себе внимание десятков взглядов.

Рейна стояла у подножия парадной лестницы рядом с бабушкой и всё сильнее начинала подозревать, что роль хозяйки праздника состоит главным образом в том, чтобы улыбаться людям, которых ты видишь впервые в жизни, и делать вид, будто прекрасно помнишь их имена.

Впрочем, Севера Дей Фейт явно не разделяла её трудностей. Матрона встречала гостей с той спокойной уверенностью человека, которому уже несколько столетий принадлежало право считать этот дом своим. Каждый входящий сначала приветствовал её. Причём даже те женщины, которые сами управляли крупными владениями или возглавляли младшие Дома, невольно склоняли голову чуть глубже, чем требовал этикет.

Не потому что боялись. Потому что перед ними стояла одна из Двадцати: одна из женщин, чьи решения определяли судьбу всей Анимары.

Лишь после этого взгляды обращались к Рейне. И здесь всё сразу становилось гораздо проще. Потому что наследница Дома Фейт была почти ровесницей большинства девушек, прибывших на праздник. Официальные приветствия очень быстро уступали место улыбкам, шуткам и полушёпотом произнесённым новостям.

— Лея Ди Грейс и её спутники.

Имя только успели объявить, а Рейна уже улыбалась. Её подруга Лея вошла в зал в сопровождении четырёх мужчин, и, как обычно, невозможно было понять, кого именно она привела показать гостям — своего брата или новых фаворитов. Мужчины Леи были красивы настолько, что казались результатом тщательно продуманного соревнования: высокие, молодые, безупречно одетые, с одинаково ослепительными улыбками. А вот брат держался чуть скованнее, тогда как фавориты двигались с той непринуждённой лёгкостью, которая появляется у мужчин, прекрасно знающих, какое впечатление они производят на окружающих.

— Рейна! — воскликнула Лея, едва закончив приветствие Матроне. — Если сегодня ты не потанцуешь с моим братом, я страшно на тебя обижусь!

— Ты не оставляешь мне выбора.

— Именно! Тео Сана Грейс к твоим услугам, — брат Леи тут же поклонился. Очень красиво. Пожалуй, даже слишком красиво. — И он совсем не прочь стать Тео Сана Грейс Фейт!

Рейна уже открыла рот, чтобы попросить подругу не торопиться, когда за её плечом совершенно неожиданно возник мастер Корвин. Невозможно было сказать, откуда именно он появился. Иногда Рейне казалось, что главный фаворит её матери владеет какой-то особой разновидностью магии, позволяющей материализовываться рядом всякий раз, когда кто-нибудь начинал смотреть на неё слишком заинтересованно.

— Госпожа Лея, — безупречно вежливо произнёс он.

— Мастер Корвин.

— Рад видеть вас вновь.

— Взаимно.

Они обменялись улыбками. Со стороны всё выглядело совершенно безобидно, но брат Леи почему-то непроизвольно попятился за спину своей сестры.

— Госпожа Рейна, прибывают другие гости. Нам не стоит заставлять их ждать.

Рейна тяжело вздохнула, но кивнула:

— Чуть позже поболтаем, — шепнула она подруге.

— С тебя один танец с Тео, — также заговорщически шепнула та и добавила уже громче, — идёмте, мальчики, я вижу прекрасный фуршетный стол с закусками. Никто не готовит дичь так, как это делают в доме Фейт. Вы просто обязаны её попробовать.

На шестом или седьмом представленном брате подруги, Рейна начала догадываться, что её день рождения оказался отличным поводом для смотрин. Многие Дома пытались подсунуть ей как минимум одного из своих сыновей в потенциальные фавориты. Нет, подарки, конечно, ей тоже вручались, но подруги и их старшие родственницы с гораздо большей охотой всучили бы ей своих сыновей.

Когда последние из гостей прибыли, а праздник уже начался, вокруг Рейны сбился целый полукруг из мужчин. Кто-то был чрезвычайно вежлив, кто-то (и это совершенно не понравилось Рейне) угодлив, а некоторые и вовсе старались продемонстрировать, что влюбились с первого взгляда.

Первый танец Рейна всё-таки отдала Тео. Не потому что ей особенно хотелось танцевать именно с ним, а потому что Лея смотрела так выразительно, словно отказ подруге грозил немедленным разрывом дипломатических отношений между домами Фейт и Грейс.

Тео оказался приятным собеседником, хорошо двигался и, к счастью, не пытался каждую минуту напоминать о том, насколько большая честь для него этот танец. За последний час Рейна успела выслушать подобное уже трижды и начинала подозревать, что молодые мужчины репетируют эти речи перед зеркалом. Музыка плавно кружила пары по залу. Тео что-то рассказывал о последней охоте, но девушка слушала вполуха, потом заметила Лайса.

Фаворит матери, с самыми мягкими светлыми волосами, какие Рейна только видела за свою жизнь, стоял возле одной из колонн, держа в руках бокал вина. Его красивые пухлые губы кривились в жёсткой усмешке, а синие глаза в обрамлении густых ресниц неотрывно смотрели на Рейну, точнее, на её партнёра по танцу.

— Кто привлёк ваше внимание, госпожа Ди Фейт? — спросил Тео, позволив себе лишь короткий взгляд в её лицо.

— Мастер Лайс, фаворит моей матери и мой тренер по бою на мечях.

— Госпожа тренируется с оружием? — Недоумения в голосе парня было намного больше, чем предполагал этикет.

— С оружием, с кисточками, с иглками... — вдруг ответила Рейна и улыбнулась, — а ещё меня учат истории, экономике и даже иностранным языкам. Я же Ди¹, дочь наследницы. Когда-нибудь, через несколько сотен лет, стану Дей, то есть Матроной.

— Я был бы счастлив разделить с вами это бремя...

Рейна не успела ничего ответить на это неожиданно дерзкое заявление. Между ней и Тео вдруг возникла тёмная фигура, и только мгновение спустя девушка поняла, что смотрит уже не в светлые глаза молодого Грейс, а в спину мастера Лайса. Расшитый золотой нитью чёрный камзол чуть не трещал по швам, так сильно напряглись мышцы самого мягкого внешне, но самого жёсткого по характеру фаворита матери.

— Моя госпожа повелела привести к ней дочь. Надеюсь, вы не против, господин Грейс?

— Конечно, — покорно отступил Тео и, поклонившись Рейне, пошёл к своей сестре.

— Лайс, это было грубо... Маме вовсе нет никакого дела до меня, она наслаждается вином и сплетнями с подругами, — шепнула Рейна, покорно следуя за наставником.

¹ С подробной структурой имён в Анимаре можно ознакомиться в конце книги. (прим. автора)

— Зато это отличный повод отвадить этого хилыка от моей воспитанницы.

— Мы просто беседовали.

— Он неправильно на тебя смотрел, да и вообще, слишком робок.

— А если бы он не отступил? — прищурилась девушка.

— Обычные мужчины всегда отступают перед фаворитами.

— Ты невозможен.

— Мне это часто говорят.

Он наконец поставил бокал на поднос проходящего мимо слуги и протянул руку.

— Потанцуешь со мной?

— Ты терпеть не можешь танцы.

— Ради тебя потерплю.

— Лжец.

— Ради Элины потерплю.

— Ещё больший лжец.

Уголки его губ дрогнули. Совсем чуть-чуть.

— Идём, пока этот юноша не решил проявить героизм и не пригласил тебя на второй танец.

— А что тогда?

— Тогда мне придётся изображать вежливого человека значительно дольше, чем я способен.

Рейна рассмеялась и позволила вывести себя обратно на площадку. Но она действительно не стала мучить Лайса долго. Едва закончилась мелодия, девушка чмокнула его в щеку и бежала, прежде чем он успел придумать ещё один способ оградить свою воспитанницу от мужчин младше ста лет.

Возле неё снова собралась привычная компания. Лея успела ухватить с подноса бокал игристого и теперь оживлённо спорила с Нирой Ди Ма Лисс о том, чей брат красивее. Братья, разумеется, стояли рядом и делали вид, что совершенно не слышат ни слова.

— Мой хотя бы умеет читать стихи, — заявила Нира.

— Это не достоинство, а недостаток, — немедленно возразила Лея. — Если мужчина начинает читать стихи без предупреждения, от него можно ожидать чего угодно.

— Например?

— Вместо страстной ночи он решит прочесть тебе поэму.

— Ужас какой!

— Именно.

Мужчины дружно рассмеялись. Рейна тоже улыбнулась и позволила увлечь себя в разговор, потом был ещё один танец, потом ещё, кто-то рассказывал о неудачной охоте, кто-то спорил о скачках, а один из фаворитов Леи горячо убеждал всех, что способен переплыть Серебряное озеро за одну ночь.

— Ты утонешь раньше, чем доберёшься до середины, — безжалостно сообщила Лея.

— Не утону.

— Утонешь.

— Не утону.

— Тогда я лично столкну тебя с лодки и проверю.

— Вот поэтому я и люблю вас, госпожа.

— А я тебя нет.

— Это временно.

— Очень надеюсь, что нет.

В какой-то момент Рейна поймала себя на том, что смеётся просто потому, что ей хорошо. Подруги были рядом, музыка не умолкала, а вокруг кружились молодые мужчины, красивые, весёлые и беззаботные.

Потом девушка случайно подняла глаза и увидела Корвина. Тот стоял возле дальней стены и беседовал с каким-то управляющим. По крайней мере, со стороны это выглядело именно так. Потому что стоило одному из молодых людей слишком близко наклониться к Рейне, как взгляд главного фаворита Элины немедленно переместился на них. Ровно на одно мгновение. После чего Корвин снова вернулся к разговору, словно ничего не произошло. Рейна закатила глаза.

Чуть позже ей показалось, что возле выхода мелькнул Элиас. Потом она заметила одного из близнецов возле оркестра. А ещё через полчаса обнаружила Лайса, который с крайне мрачным видом наблюдал за тем, как Тео всё-таки решился пригласить её на второй танец.

Иногда Рейне казалось, что фавориты матери каким-то образом распределили между собой дежурства. Иначе объяснить их постоянное присутствие поблизости было невозможно.

— На что ты смотришь? — спросила Лея.

— На своих надзирателей.

Подруга проследила за её взглядом и тихо рассмеялась:

— Это безнадёжно.

— Что именно?

— Они никогда не перестанут.

— Я уже взрослая.

— Для тебя — возможно. — Лея сделала глоток. — А для них ты девочка, которая пыталась поймать утку в пруду и сама свалилась в воду.

— Мне было всего двадцать лет! Я же была ещё совсем малышкой.

— Разницы они всё равно не видят. Вот и ведут себя так, будто ты ещё младенец, — Лея поднесла бокал к губам, но пить не стала — только улыбнулась поверх золотого ободка.

Рейна хотела возмутиться, но вместо этого тоже улыбнулась — и раздражение растаяло. Какой смысл спорить, если они обе знали правду? Даже если Рейне исполнится двести лет, Лайс по-прежнему будет хмуриться на каждого мужчину, который подойдёт к ней слишком близко. Корвин будет смотреть сквозь толпу, а близнецы — бесшумно перемещаться по залу, чтобы всегда быть на расстоянии шага. Да и остальные фавориты Элины относились к ней также. Просто потому что заботились о ней, пока она сама не научилась заботиться о себе. Но теперь проблема состояла в том, что Рейна уже не ребёнок!

— Идём, — Лея взяла Рейну под руку, увлекая в сторону высоких окон, где было чуть меньше народу. — А то мы тут стоим как две статуи в углу, и твоя бабушка уже начала коситься в нашу сторону. По-моему, она считает, что я плохо на тебя влияю.

— Она права, — со смехом ответила Рейна.

— Зато со мной всегда весело.

На подоконнике обнаружилась Нира. Она сидела, свесив ноги, и смотрела на танцующих с выражением человека, который и сам был не прочь присоединиться, но не решался из-за одного крайне неловкого обстоятельства.

— Ты чего тут? — Лея опустилась рядом.

— Лиор опять пытается пригласить меня танцевать. — Нира поморщилась. — Всего третий раз за вечер, а я уже ног не чувствую.

— Он так хорош в танцах? — не поняла Рейна.

— Он отдал мне все ноги! — Нира закатила глаза. — Лиор такой неуклюжий, что даже мне за него стыдно. А я его уже месяц учу. Безнадёжно. Совершенно безнадёжно.

— Видимо, у него есть другие, более весомые достоинства, раз ты держишь его рядом с собой, — в глазах Леи вспыхнули опасные огоньки.

— Ну... — мечтательно протянула Нира, а её подруги переглянулись и рассмеялись одновременно.

— Ох уж эта молодость, она всегда так спешит... — раздался тихий смешок из алькова, в котором стояла софа.

Подруги Рейны, да и она сама, тут же вскочили с мест и склонились в поклоне перед Северой Дей Фейт.

— Ни к чему столько официоза, девушки, — мягко улыбнулась Матрона и повелительно взмахнула рукой, призывая их подняться. — Я здесь не для того, чтобы принимать реверансы. Но мне было любопытно послушать про достоинства несчастного Лиора.

— Вы всё слышали? — Лицо Ниры запылало от смущения.

— Ох, ни к чему стыдиться, девочка! Страсть к фаворитам — это естественно, и никто не станет осуждать женщину, увлеченную своим мужчиной.

Рейна и Лея кусали губы, чтобы не рассмеяться, глядя на пунцовое лицо подруги, а Севера Дей Фейт тем временем продолжала:

— Впрочем, если твой Лиор пока так плохо танцует, пусть носит тебя на руках! Тогда твои ноги будут в безопасности.

Собравшись подняться, матрона протянула руку, и из темноты возник один из её фаворитов. Молодой внешне мужчина бережно помог своей госпоже подняться и чуть поклонился девушкам. Те немедленно ответили тем же. Перед ними стоял фаворит Матроны Фейт, и хотя лицо его выглядело едва ли старше лица Лиора, в его глазах светилась мудрость человека, прожившего не одну сотню лет. Так уж работал Дар жизни женщин Анимары. Мужчины оставались в том возрасте, в котором становились фаворитами, и лишь глаза выдавали их настоящий возраст.

— Веселитесь, дети, сейчас у вас есть всё время мира, — улыбнулась пожилая дама и выплыла из алькова в сопровождении своего фаворита.

Пока оркестр исполнял очередную мелодию, Элина Доу Фейт лениво водила пальцем по ножке бокала, одновременно слушая рассказ подруги и наблюдая за дочерью. Делать это ей было несложно, особенно когда её фавориты считали своим долгом сопровождать Рейну буквально повсюду.

Девушка только что закончила танец с одним молодым человеком. Затем ненадолго остановилась возле подруг. Потом её пригласил другой юноша. А ещё через несколько минут Элина с удивлением обнаружила, что её дочь вновь танцует.

Только не с очередным поклонником. С Нином. До этого был Элиас. До Элиаса — Лайс. До Лайса — Райн. Элина медленно прикрыла глаза.

— О нет.

— Что случилось? — поинтересовалась одна из подруг.

— Мои мужчины решили, что Рейне сегодня исполняется двадцать лет, а не семьдесят пять!

Подруга проследила за её взглядом и негромко рассмеялась:

— Они стараются.

— Они мешают.

В этот момент Нин завершил очередной поворот и с видом человека, спасшего мир от неминуемой катастрофы, вернул Рейну подругам.

— Позовите ко мне Элиаса и Нина, — произнесла Элина. Голос её оставался мягким, поэтому фаворит, которому предназначалось распоряжение, даже не вздрогнул. А вот подруги Элины обменялись понимающими взглядами.

Через несколько минут оба мужчины уже стояли перед своей госпожой.

— Вы звали нас?

— Да, — Элина сделала глоток вина. — Мне любопытно.

— Что именно, госпожа?

— Сколько ещё танцев вы намерены украсть у моей дочери?

Наступила тишина.

— Госпожа...

— Нет, правда. Мне очень интересно. Потому что за последний час Рейна танцевала с вами чаще, чем со всеми приглашёнными юношами вместе взятыми.

Элиас кашлянул. Нин внезапно обнаружил у себя огромный интерес к узору на мраморном полу.

— Они смотрят на неё, — наконец произнёс он.

— Разумеется, смотрят.

— Неправильно смотрят.

— Сегодня бал в честь её совершеннолетия. Было бы странно, если бы молодые мужчины не смотрели на неё.

Оба фаворита молчали.

— Послушайте меня внимательно и передайте остальным. — Голос Элины по-прежнему оставался спокойным. — Вы растили её. Вы учили её. Вы любите её. Я это знаю.

Мужчины опустили головы.

— Но сегодня вы ведёте себя так, словно Рейна принадлежит вам.

Нин поморщился. Попадание оказалось слишком точным.

— Она моя, — выделила Элина голосом это слово, — дочь.

— Для нас...

— Нет, — женщина подняла руку, не желая слушать оправдания. — Для вас Рейна всегда будет ребёнком. Я понимаю. Но она выросла.

Элина ненадолго замолчала, наблюдая, как дочь смеётся в кругу подруг.

— И если вы будете отпугивать каждого юношу, который осмелится пригласить её на танец, однажды она начнёт прятаться уже от вас.

Это подействовало сильнее всего, потому что оба мужчины мгновенно побледнели.

— А теперь, — закончила Элина уже мягче, — вернитесь на праздник и постарайтесь хотя бы ближайшие полчаса не спасать мою дочь от её собственной юности.

Фавориты расходились неохотно, с одинаково виноватыми лицами. Один, чтобы исчезнуть в темноте зала, другой — чтобы вновь смешаться с гостями, притворяясь, что его только что не отчитали как нашкодившего мальчишку. Элина улыбнулась в бокал, но улыбка была нежной.

Подруги за её спиной зашептались:

— Ты правильно поступила, — сказала одна из них — пожилая Матрона из младшего Дома. — Но они правы в одном: твою дочь сегодня разглядывают так, будто она — единственная наследница во всей Анимаре.

— Так и есть, — спокойно ответила Элина. — Пусть смотрят. Пусть мечтают. Пусть пытаются завоевать её внимание. Рейна достаточно умна, чтобы самой решить, кого подпускать к себе.

Она легко коснулась пальцем края бокала, и тот тихо звякнул:

— Ну а если кто-то будет чересчур навязчив — мои мужчины справятся.

— У тебя их всего семеро, Элина.

— Ну и что? Зато все они обожают мою дочь.

— Поэтому ты их и держишь?

— Поэтому я их и люблю.

Она подняла глаза к залу, где Рейна как раз отбилась от очередного кавалера и с облегчением прижалась спиной к колонне, переводя дух. На щеке её горел румянец — то ли от танцев, то ли от смеха. Волосы растрепались, выбившись из причёски, и в них снова заиграло золото.

Поймав взгляд дочери, Элина подмигнула ей, подняла бокал и отпила глоток вина. Рейна кивнула матери, принимая это лёгкое ненавязчивое поздравление, а затем её снова захлестнула праздничная волна.

Глава 2. Последнее лето

— Рейна. Рейна, просыпайся.

Голос матери проникал в сон медленно, как солнечный свет сквозь неплотные шторы. Рейна застонала и попыталась зарыться лицом в подушку, но Элина стащила с неё одеяло.

— Ну что ты делаешь?! — возмутилась Рейна, натягивая простыню обратно. — На улице ещё даже солнце не встало!

— Встало, — спокойно ответила мать. — Ты просто не видела, потому что твои глаза закрыты. Давай, поднимайся. Лошади уже оседланы.

— Лошади? — Рейна приоткрыла один глаз. — Мы куда-то едем?

— Да. Сегодня объезд северных деревень.

— А я-то тут при чём? — Рейна приподнялась на локтях и посмотрела на мать с таким выражением, будто та только что предложила ей искупаться в ледяной реке посреди зимы.

— Мне напомнить, сколько тебе лет? Давно пора было начинать привлекать тебя к делам Дома.

— Давай ты привлечёшь меня к ним завтра, — зевнула девушка, — сегодня я планировала весь день валяться в постели! И вообще, у меня с утра кружится голова от вчерашнего вина!

— У тебя не кружится голова! — Элина даже не улыбнулась. — Я знаю, сколько ты выпила, потому что Корвин следил за каждым твоим бокалом. Ты практически ничего не выпила.

— Я устала!

— Ты проспала десять часов.

Рейна открыла было рот, чтобы возразить, но поняла, что аргументов не осталось. Она устало откинулась на подушку и простонала:

— Зачем нам объезжать деревни прямо сейчас? Я их и так видела, и могу увидеть в любое время!

— Тогда ты смотрела из окна кареты, когда мы проезжали мимо или заезжали по пути, — поправила её мать. — Это не одно и то же. Ты уже взрослая, Рейна Ди Фейт! Скоро ты возьмёшь себе фаворитов и сделаешь меня бабушкой! Значит, ты уже достаточно взрослая, чтобы узнать, в чём нуждаются люди, живущие на наших землях.

Рейна вздохнула. Мать была права, и это злило больше всего.

— И что, прямо сейчас? — Она наконец села и посмотрела на мать. — Без завтрака? Без чашки горячего чаю?

— Завтрак для тебя уже накрыт. — Элина улыбнулась. В её улыбке мелькнуло что-то тёплое, почти извиняющееся, но быстро исчезло. — Только не рассчитывай на долгие сборы. Если задержишься, пришлю к тебе Лайса!

— О нет! — Рейна вскочила с постели, зная непримиримый характер своего наставника.

— Вот и умничка! Я обещаю, что это не будет скучно.

— Ты обещаешь мне приключение? — Девушка прищурилась, но голос её уже звучал мягче.

— Я обещаю тебе, что ты увидишь своих людей. Тех, на чьей земле мы живём. Это важнее любого бала.

Рейна замерла на мгновение. В словах матери слышалась серьёзность, которую та редко показывала.

— Хорошо, — сдалась она. — Но если я упаду с лошади от усталости — виновата будешь ты.

— Даже не надейся, я просто отдам тебя Лайсу на пару месяцев дополнительных тренировок!

Спустя двадцать минут Рейна уже сидела в седле с видом человека, которого лично оскорбил сам факт существования раннего утра. Элина же, напротив, выглядела так, словно проснулась несколько часов назад, успела решить все вопросы Дома и теперь просто наслаждалась ветром и солнцем.

— Ты специально выглядишь такой бодрой? — спросила Рейна.

— Конечно.

— Чтобы меня раздражать?

— Разумеется.

Рейна прищурилась:

— Это жестоко.

— Это воспитательный процесс.

— Тогда я официально заявляю, что мне не нравится твоё воспитание.

— Поздно, — спокойно заметила мать, поправляя плащ. — Ты уже выросла.

— Ты это уже говорила, — съехидничала Рейна и вздрогнула, услышав за спиной цокот копыт.

Впрочем, её беспокойство было напрасным. К ним подъехал Лайс, как всегда безупречный, в тёмной дорожной одежде, с собранными в низкий хвост светлыми волосами. Он выглядел так, будто не только давно проснулся, но и успел провести тренировку, обойти половину поместья и мысленно осудить всех, кто встал позже него.

Синие глаза скользнули по Рейне.

— Жива.

— К сожалению.

Лайс хмыкнул.

— Значит, ехать сможешь.

— У меня нет выбора?

— Нет.

— Ненавижу вас обоих.

— Это временно, — спокойно ответила Элина.

— А вот любовь и уважение к наставнику у тебя никогда не проявлялись, — добавил Лайс.

— Потому что ты чудовище.

— Но эффективное.

Рейна фыркнула.

— Она сказала, что может выпасть из седла от недосыпа! — бросила фавориту Элина и ударила по бокам коня пятками.

— Мои ученицы не выпадают из седла, даже если спят в пути! — нахмурился Лайс.

— Мама! — возмутилась Рейна и, подхлестнув свою лошадь, бросилась в погоню. Смех матери и дочери разлетелся по зелёной долине и запутался в траве.

Через полчаса они уже покинули главную резиденцию Фейт. Стоило оставить позади высокие белые стены и аккуратные сады, как мир начал меняться. Дорога становилась уже, воздух — свежее. Вместо запаха цветов и благовоний пришли ароматы трав, нагретой солнцем земли и хвои.

Рейна молчала. Верхом она ездила уверенно — Лайс когда-то настоял, чтобы наследница чувствовала себя в седле так же естественно, как в танце. Тогда она долго возмущалась, но теперь была вынуждена признать, что он оказался прав.

Элина ехала впереди — спокойно, уверенно. По правую руку от неё держался Лайс, по левую — Корвин. Чуть позади — остальные сопровождающие.

— И далеко ехать? — спросила Рейна.

— До первой деревни мы уже почти доехали.

— Они все одинаковые?

Элина бросила на дочь короткий взгляд.

— Нет.

— А люди?

Мать чуть улыбнулась:

— А вот это тебе и предстоит выяснить.

Рейна хотела ответить, но осеклась. Впереди показались первые дома: невысокие, каменные, с покатыми черепичными крышами. В воздухе пахло дымом, свежим хлебом и сеном. Где-то лаяли собаки, кричали петухи. У колодца стояла женщина с вёдрами.

Жизнь текла своим чередом. Ровно до того момента, пока кто-то не заметил всадников. Первой их заметила женщина у колодца. Она замерла на мгновение, а затем быстро выпрямилась и склонила голову.

Её движение заметили другие. По деревне словно прокатилась невидимая волна. Люди оборачивались, откладывали дела, выпрямлялись. Женщины — одна за другой — склоняли головы. Мужчины отступали к обочине и тоже кланялись. Даже дети, почувствовав настроение взрослых, притихли. Рейна непроизвольно выпрямилась в седле. Она видела подобное раньше — на парадных приёмах, на балах, в залах Совета. Но там это был выверенный этикет, ритуал. Здесь всё было иначе. Глубже. Тише. Реальнее.

Перед ними склонялись люди, чья жизнь действительно зависела от решений Дома Фейт. Они не просто знали, кто такие Матроны — они жили с этим знанием каждый день.

Рейна перевела взгляд на мать. Элина не изменилась в лице. Только взгляд её стал другим: более собранным, цепким. И в этот момент Рейна вдруг увидела перед собой не только мать. Перед ней ехала будущая Матрона. Женщина, которой однажды будет принадлежать всё, что простиралось вокруг до самого горизонта.

Девушка опустила взгляд на свои руки, сжимающие поводья, и поняла, что ладони чуть вспотели. Эти люди смотрели не на «дочь госпожи», они смотрели на ту, кто однажды станет их Матроной. И в их взглядах было что-то, чего она не видела на празднике. Не почтение. Не любовь. Что-то более древнее, более тяжёлое. Она не знала, как это назвать. Но чувствовала, как невидимый груз ложится на плечи, хотя она ещё не приняла ни одного решения, не отдала ни одного приказа. Деревня встречала их тишиной, в которой не было ни суеты, ни страха — лишь молчаливое признание власти, существовавшей здесь задолго до рождения каждого из них.

Фавориты спешили первыми, затем помогли Элине спуститься с лошади и бережно сняли с другой Рейну. К ним навстречу, вытирая мокрые руки фартуком, спешила крепкая дородная женщина в полотняном платье.

— Это Дана Доу Лина, — шепнул Корвин так, чтобы его услышали обе госпожи. — Она управляет этой деревней уже семнадцать лет, а её род — и вовсе лет двести. Мать этой женщины уже в весьма преклонном возрасте, но пока жива. За ней ухаживают мужья и дети Даны.

— Мужья? — удивилась Рейна.

— Простые люди по-прежнему предпочитают скреплять свои узы перед богами.

Благодарно кивнув Корвину, девушка перевела взгляд на поспешающую к ним Дану.

— Госпожа Элина, господа, рады вас видеть, — зычным голосом поприветствовала она высоких гостей и удивлённо осеклась, заметив Рейну.

— Моя дочь, Рейна Ди Фейт, — спокойно пояснила Элина.

— Госпожа, — поклонилась староста. — Поздравляю вас с днём рождения.

— Благодарю, — улыбнулась в ответ девушка и тоже поклонилась.

— Ой, да чего ж мы стоим? — Дана всплеснула пухлыми руками. — Идёмте в дом, там и поговорим.

Дом старосты оказался просторным, но по-деревенски уютным. Толстые бревенчатые стены, чистые половики на полу, в углу — большая печь, от которой так и несло теплом. На столе уже стоял глиняный кувшин с молоком, тарелка с только что испечённым пирогом и мисочка с мёдом.

— Садитесь, госпожи, садитесь, — засуетилась Дана. Заметив любопытные лица своих домашних, она сдвинула брови и махнула на них рукой, — а ну, кыш отсюда! Не путайтесь у господ под ногами! Я сейчас ещё творогу принесу, свежего, только утром сделали...

— Не стоит хлопот, — попыталась мягко остановить её Элина, но Дана уже скрылась за дверью, ведущей на кухню.

Рейна огляделась. Всё здесь было простым, но крепким — добротная мебель, чистые занавески на окнах, на полках глиняные горшки и деревянные миски. Никакой роскоши, но и бедности не чувствовалось.

— У неё уютно, — тихо сказала она матери.

— У хорошей хозяйки всегда уютно, — так же тихо ответила Элина и тут вдруг с улыбкой подмигнула кому-то.

Рейна обернулась. Из-за занавески у печи выглядывала маленькая русоволосая девочка. Она прятала лицо в ладошках, смешно растопыривая пальчики.

— Лет в двадцать ты тоже такой была... — В голосе матери слышалась лёгкая ностальгия.

— А сколько же ей лет?

— Думаю, около пяти.

Вернулась Дана с миской творога и деревянной ложкой.

— Угощайтесь, не стесняйтесь, — улыбнулась она. — Мы хоть и небогато живём, но гостям всегда рады.

Элина отломил кусочек пирога, попробовала и одобрительно кивнула:

— Вкусно. Спасибо, Дана.

Староста расплылась в довольной улыбке, но Рейна заметила, как её пальцы нервно теребят край фартука. Дана хотела что-то сказать, но не решалась.

— Что ж, — Элина отпила молока и поставила кружку на стол. — Давай не будем тянуть. Ты хотела о чём-то поговорить?

Староста вздохнула с облегчением.

— Госпожа, простите, что сразу к делам...

— Ради них мы и приехали, так что говори смело.

— У нас тут две беды приключились. Я не знаю, к кому ещё идти, кроме вас.

— Говори.

— Урожай, слава богам, должен быть хороший, — начала Дана, и в голосе её послышалась надежда. — Вот только лето выдалось засушливое. Земля-то у нас плодородная, посевы поднялись бойко. Однако если бы госпожа могла наколдовать небольшой дождик над полями... — она виновато улыбнулась. — Мы бы век молились за ваше здоровье.

Элина чуть наклонила голову, размышляя.

— Дождь над полями, — повторила она. — Где именно? Вся земля сухая или только северные участки?

— Северные в основном, госпожа. У реки ещё терпимо, а на холмах уже трещины пошли. Мы каждый день воду носим, но сил уже не хватает.

Элина кивнула и перевела взгляд на Рейну. Та сидела молча, впервые по-настоящему осознав, что бесконечная зубрёжка плетений адиабатического охлаждения была вовсе не прихотью наставницы по магии. Это был навык, способный спасти людей от голода.

— Я проедусь по округе, посмотрю на уровень воды в озерах и реке, — сказала Элина. — Если всё в границах нормы, я смогу вызвать дождь к вечеру. Не обещаю ливень, но поля напою.

Дана сложила руки на груди, почти как на молитву.

— Благодарю, госпожа. Если боги будут к нам милостивы, мы с лихвой всё отдадим.

— А вторая беда? — спросила Элина.

Дана помедлила, будто собираясь с духом.

— Колодец, госпожа. Старый пересох ещё месяц назад. Мужики-то наши не безрукие, выкопали два новых в разных местах, но воды в них нет. Они уж и глубже старого колодца ушли, а всё одно — сухо. Мы не знаем, где рыть, чтобы не ошибиться. Если бы госпожа смогла указать место, где точно есть вода... Мы не просим колдовать, просто подсказать.

Элина задумалась.

— Корвин, — сказала она, не оборачиваясь. — У нас есть карты этих земель?

Первый фаворит бесшумно возник за её плечом, словно ждал этого вопроса.

— Есть, госпожа, — ответил он. — Две версии: общая, составленная двадцать лет назад, и уточнённая, с правками пятилетней давности. Я взял обе.

— Хорошо, — кивнула Элина. — Посмотри, где водоносный слой выше, и укажи людям, где нужно копать.

Дана улыбнулась, и в улыбке её чувствовалось облегчение. Она благодарно склонила голову:

— Я знала, что вы поможете, госпожа. Просто не хотела вас беспокоить, зная, что у вас столько дел.

— Для того и ездим по деревням, чтобы знать, что у людей на душе, — спокойно ответила Элина.

Рейна молчала, но внутри неё что-то дрогнуло. Она смотрела на мать и видела не просто женщину, которая без конспекта может вызвать дождь. Она видела ту, к кому приходят с бедами, потому что знают: она поможет.

Элина поднялась из-за стола, Рейна тоже встала следом за матерью. Дана засуетилась, провожая гостей к выходу, но в этот момент снаружи донеслись крики. Грубые, злые, с бранью.

Лайс мгновенно оказался перед своей госпожой, плечи его напряглись, а пальцы затанцевали на рукояти меча. Дана охнула и, не дожидаясь разрешения, выбежала на улицу.

— Вот я вам! — донеслось её возмущённое. — Совсем совесть потеряли! При госпожах! Что вы тут устроили?! А ну, разошлись!

Лайс уже был на крыльце, но драка заканчивалась без него. Двое парней — одинаковых, как две капли воды, с одинаково взлохмаченными русыми волосами — стояли, тяжело дыша, опустив руки. Один прижимал ладонь к разбитой губе, у второго быстро заплывал глаз. Несколько мужиков держали их за плечи, не давая снова броситься друг на друга.

Дождавшись разрешающего кивка от Лайса, Элина вышла из дома, остановилась на крыльце и окинула взглядом картину. Рейна встала рядом, с любопытством разглядывая близнецов.

— Кто такие? — холодно спросила Элина.

Дана виновато потупилась:

— Да вот, госпожа, у соседки моей, Милены, два сына. Она третьего дня умерла. Хорошили вчера. А эти двое сегодня уже подрались, наследство не поделили...

— Дочери, как я понимаю, Милена не оставила?

— Нет, госпожа. Не благословили её боги дочерью, только два сына и были. Жён у них тоже нет, вот и полезли кулаками махать. Парни-то они хозяйственные, да горе им разум замутило.

Элина посмотрела на братьев, потом перевела взгляд на Рейну.

— Ну и что посоветуешь делать?

— Я? — удивилась Рейна, но, встретив холодный взгляд матери, тут же поняла свою ошибку и быстро собралась. Близнецы, стоявшие перед ней, были почти такого же возраста, как братья её подруг на вчерашнем балу. И тут ей в голову пришла интересная мысль...

— Дана Доу Лина, — обратилась она к старосте, — есть ли в вашей деревне девушки брачного возраста, только мне нужны не наследницы.

— Конечно. Вы хотите выбрать себе служанку? — Дана не понимала, куда клонит юная госпожа.

— Позови их сюда, — не стала опровергать её догадку Рейна.

Вся деревня и так собралась поглазеть на драку, так что много времени это не заняло, и уже через минуту перед Рейной стояли трое молодых девушек.

— Кто из вас согласен взять в мужья этих двоих? — громко спросила она, указывая на близнецов. — Они молоды, сильны, хороши собой и, насколько я вижу, умеют работать руками. А вместе с ними хозяйке достанется дом, земля, скотина и всё подворье.

Не успела она договорить, как вперёд выступила самая старшая из девушек. Румяная, высокая, с тугой косой пшеничных волос:

— Госпожа, я Варра Доу Ма Тана, третья дочь у матери, и, пусть боги даруют ей долгую жизнь, наследство мне не светит. Но я давно помогаю по хозяйству и ей, и старшим сёстрам, вести дом умею.

— А вы двое? Согласны на такую жену? С ней вы останетесь в общем доме, и больше не будет нужды делить то, что вместе зарабатывали.

— Согласен, — в один голос сказали парни, даже не взглянув друг на друга, а когда Варра протянула им обоим руки, приняли их и встали по бокам от невесты.

— А это мой вам подарок на свадьбу, — Элина стянула с плеч роскошный шёлковый плащ на золотой застёжке и подала девушке.

— Госпожа! — Варра первой упала на колени, а оба её жениха тут же последовали её примеру. — Я всегда буду благодарна вам за вашу щедрость. И вам, госпожа Рейна Ди Фейт, — за вашу мудрость.

Элина легко коснулась плеча Варры, приподнимая её:

— Вставай. Ты теперь хозяйка в доме. Учи их уму-разуму, — затем быстро перекинула взгляд с Корвина на Лайса, а потом вдруг добавила с улыбкой, — чтобы не передрались за тебя в первую брачную ночь!

По деревенской площади пробежал облегчённый смех, и напряжение, висевшее в воздухе ещё минуту назад, окончательно рассеялось. Жители направились к крохотному деревенскому храму, где под взглядами Отца Неба и Матери Земли жрица должна была благословить новый союз.

— Так и знал, что в какой-нибудь из деревень ты лишишься плаща, — проворчал Лайс, когда деревня осталась далеко позади.

Он потянулся к под сумку, достал оттуда запасную накидку и перебросил её своей госпоже. Элина ловко перехватила в воздухе ткань и, даже не замедлив бега своего коня, закрепила её на плечах.

— Никогда не пойму, как ты умудряешься оставаться таким язвительным и заботливым одновременно.

— Я же твой щит.

— Ты заноза в наших... кхм... — осёкся Корвин, поняв, что они не одни.

А вот Рейна хоть и сделала вид, что не услышала такую несвойственную её строгим наставникам перебранку, кусала губы, чтобы не расхохотаться. Она знала, что её мать по-настоящему любит своих фаворитов, но истинную глубину их отношений никто и никогда не сможет понять. Они будто были единым организмом, разделённым на несколько тел. Только

Нин пока ещё слегка выбивался из их семьи, но это было вполне понятно. Элина сделала его фаворитом всего каких-то двадцать лет назад.

Остаток дня слился для Рейны в череду дорог, деревень и чужих историй: просьбы, жалобы, надежды... Она наблюдала за матерью почти неотрывно. Элина выслушивала каждого до конца, задавала два-три точных вопроса и, казалось, видела суть проблемы раньше, чем собеседник успевал договорить.

К закату Рейна поняла одну простую вещь. Всё, что прежде казалось ей властью — титулы, гербы, церемонии, поклоны — было лишь внешней оболочкой. Настоящая власть выглядела иначе. Она пахла пылью дорог, мокрой землёй после дождя и чужими надеждами, которые люди вкладывали тебе в руки, веря, что ты их не уронишь.

Сегодня Рейна смотрела на мать иначе. Перед ней предстала женщина, до которой ей самой было ещё бесконечно далеко.

Глава 3. Дочь Матроны

После завтрака Рейна понесла бабушке почту. Это стало новым правилом, новой обязанностью после дня совершеннолетия девушки. Видимо, мама с бабушкой решили вводить её в управление Домом постепенно. Нарочный прибывал по утрам, а в обязанности Рейны теперь входил разбор пришедших писем.

Сегодня же, помимо обычной корреспонденции, прибыл конверт, привлёкший к себе особое внимание. Он был чёрным. Рейна видела такие конверты и раньше. И в нём заключалась боль, которую переживала каждая долгоживущая женщина этого мира. Известие о смерти сына. Дар жизни, Анима, по какой-то причине не передавался сыновьям. Они жили обычной жизнью, старели, болели и умирали, если не становились фаворитами женщины с Анимой.

Иногда чёрные конверты приходили в Дом Фейт, чтобы сообщить об этом.

Рейна почти дошла до дверей кабинета, когда услышала голос матери. Он звучал громче обычного, острее. Матрона и её дочь о чём-то спорили.

— Ты должна меня слышать. Я говорю тебе, что это необходимо. Сейчас.

Девушка застыла. Её пальцы замерли на ручке двери, и она стояла так, глядя сквозь узкую щель между косяком и притворённой створкой.

Да, подслушивать было нехорошо, но только так иногда и можно получить информацию. Этому её научили Тир и Тай. Близнецы, несмотря на свою долгую жизнь рядом с Элиной, так и не повзрослели до конца, оставаясь шkodливymi юнцами, частенько составляющими маленькой Рейне компанию в озорствах.

Мать стояла перед столом. Спина прямая, руки сцеплены за спиной. Она не садилась — она вообще никогда не садилась, когда была чем-то взволнована, расстроена или раздражена. Сейчас же Элина и вовсе походила на пантеру, готовую к прыжку.

— Я не прошу разрешения, — продолжала Элина. — Я говорю тебе: нужно ехать. Прямо сейчас. Если мы не вмешаемся, будет поздно.

Бабушка, а точнее, Матрона, сидела в своём кресле неподвижно. Её пальцы лежали поверх стопки бумаг. Она смотрела на дочь с лёгкой усталостью, несмотря на то, что сейчас было утро. Даже Севера Дей Фейт уже не могла до конца скрывать, что возраст берёт своё.

— Ты всегда преувеличиваешь, — спокойно ответила Севера. — Что там могло случиться за месяц?

— Я не знаю, что там случилось. Я знаю, что там может случиться, если мы не вмешаемся.

— Мы вмешаемся. Когда вернутся Морган и Дрейк, мы поймём, что именно там происходит.

— Нам некогда ждать твоих фаворитов, мама. Если мы промедлим — наши соперники опередят нас.

Севера медленно подняла глаза.

— Ты не поедешь туда без моего разрешения. Ясно?

Наступила тишина. Рейна видела, как мать сжала кулаки, как напряглись её плечи, а потом из наследницы Дома Фейт будто выдёргнули стержень. Она плюхнулась в кресло и выдохнула:

— Да, мама.

— Хорошо, — Севера уже перевела взгляд на бумаги перед собой.

Поняв, что больше ничего интересного не услышит, Рейна постучалась и вошла.

— Доброе утро, дорогая, — раздался голос бабушки. Спокойный, ровный, как будто ничего не произошло. — Ты принесла почту?

Девушка кивнула и протянула стопку писем. Севера взяла их и вздрогнула. Лицо её почти не изменилось, в нём лишь на мгновение что-то мелькнуло. Что-то быстрое и нечитаемое.

— Твой последний сын умер, — сказала Севера ровно, взглянув на Элину. — Он был уже стар. Ему было почти девяносто.

Она встала и, подойдя к дочери, положила тонкую ладонь на её плечо. Элина накрыла её ладонь своей, и женщины замолчали, переживая горе.

— Я пойду, — сухо процедила Элина через несколько минут. — Нужно... Нужно сказать своим.

— Конечно, дорогая.

Рейна тоже застыла. Она знала о своих братьях, которые родились у матери до того, как та обзавелась наследницей. Но почти никого из них не помнила. Когда те покидали дом, она была ещё совсем маленькой. Да и сложно ребёнку принять тот факт, что дети, рождённые одной матерью, могут жить настолько разные жизни.

Сады, окружавшие их дом, были особой гордостью семейства Фейт. Пышные шапки белых и голубых гортензий навевали мысли о небе и облаках. Мягкая зелёная травка так и приглашала побегать по ней босиком. Клумбы с яркими цветами привлекали внимание трудолюбивых пчёл и беспечных бабочек, а беломраморные фонтанчики — мелких птиц.

Правда, сегодня Рейна не замечала ни красок, ни звуков. Мать не пришла на обед, но девушка знала, где её искать. Было в саду особое место, которое очень любила Элина. С одной его стороны старая ива раскинула свои длинные ветви над небольшим прудом, заросшим кувшинками. Впрочем, вода в этом прудике всегда оставалась чистой и холодной, даже в самую жару, ведь его наполнял природный ключик. С другой — высилась стена поместья. Полянка напоминала зал без крыши.

Здесь, в тени от ивы, у прохладного пруда, Элина чувствовала себя маленькой девочкой, а не наследницей. Здесь она позволяла себе снять маску.

Откинув гибкие ветки дерева, девушка нырнула под них. Мать стояла в объятиях Лайса. Он обнимал её молча, прижимая к себе, и Рейна заметила, как мать уткнулась лицом ему в плечо. Она не плакала — Рейна не видела слёз. Но она видела, как дрожат её плечи. Как она сжимает пальцы на его камзоле.

Лайс обнимал её крепко. Он не говорил ни слова, только гладил её по спине, прижимал к себе. Рейна видела его лицо. На нём не было улыбки. Глаза были серьёзны и печальны.

Он тоже скорбел. Может быть, не так, как мать. Но Рейна знала: Лайс был рядом с Элиной уже больше ста лет. Он знал её сыновей. Возможно, Рейна даже вздрогнула от собственной крамольной мысли, он был отцом одного или нескольких из них.

В тишине поляны девушка вдруг почувствовала себя лишней. Ей было неловко, что она видит слабость матери. Она попятилась, но попала. Лайс вскинул голову и легонько похлопал свою госпожу по плечу.

— Рейна? — спросила Элина ровно. — Что-то случилось?

— Вы не пришли на обед, я забеспокоилась.

— Я в порядке. Почти... Лайс, оставь нас, пожалуйста. Хочу потренироваться с дочерью и проверить, хорошо ли ты её обучил.

— Но я даже оружия с собой не прихватила! — опешила Рейна от такой резкой перемены настроения матери.

— И это твоя ошибка! Женщины Дома Фейт всегда должны быть готовы к битве.

Струя воды, ударившая в неподготовленную Рейну, заставила девушку покачнуться и судорожно плести заклинание щита, а мать уже летела на неё с занесенным мечом. Пришлось срочно откатиться в сторону. Нет, Рейна вовсе не беспокоилась за свою жизнь, она доверяла Элине, доверяла её рефлексам и навыкам. Да и мать бы никогда не сделала ей ничего плохого.

Из-под следующей струи воды Рейна ушла кувырком, а, приземлившись, увидела лежащий в траве кинжал. Лайс всё же оставил ей оружие... Этот клинок она знала. Его рукоять

почти всегда виднелась из-за плеча фаворита матери. Лайс использовал его как нож, для Рейны же он был одноручным мечом, хоть и всего с одной режущей кромкой.

Она ещё не успела поднять его, а Элина уже была рядом. Рейна перекатилась, схватила кинжал и вскочила на ноги, путаясь в длинных юбках. Теперь у неё был шанс.

— Хорошо, — сказала мать, заметив в руках дочери оружие. — Теперь покажи, чему ты научилась.

Элина не медлила и пошла в атаку, но Рейна не стала встречать её клинок своим. За любую зазубрину на своём обожаемом оружии Лайс бы устроил ей весёлую жизнь.

Девушка, танцуя, ушла в сторону, пропустив удар мимо себя, а коротким рубящим движением заставила мать отдёрнуть руку.

— Лучше, — сказала Элина, отступая на шаг. — Но ты слишком предсказуема.

Она снова пошла вперёд, и Рейна снова уклонялась, уходила, ныряла под удары. Кинжал в её руке работал как продолжение тела — она не пыталась блокировать, она пыталась ужалить. Там, где мать ждала лобового столкновения, Рейна проскальзывала вбок. Там, где меч должен был достать её, она оказывалась чуть ниже или чуть дальше.

Элина взвинтила темп, чтобы заставить дочь если не устать, то хотя бы запутаться в собственной одежде. В отличие от Рейны, на Элине была туника и лёгкие штаны на завязках. Она двигалась легко и свободно.

И тут в голову девушки пришла одна интересная мысль... Служанки Рейны сегодня расстарались, наряд был новым, свободную тогу придерживал на талии не жёсткий кожаный пояс, а новомодный плетёный шнур, развязать который было делом секундным. Примерно столько же времени понадобилось, чтобы расстегнуть застёжку на плече, и Элину, бросившуюся в новую атаку, накрыло тонкой, но прочной и местами мокрой шёлковой тканью. Женщина, не ожидавшая такого, инстинктивно отпрянула, неловко взмахнула руками и упала на траву.

Полюбовавшись на шевелящийся и хохочущий сугроб посреди лета, Рейна пошла выпутывать мать из собственной одежды.

— Я породила чудовище! — донеслось до неё из-под тонкой ткани. Затем показалась рука. Рейна быстро ухватила её за неё, но Элина подло дёрнула на себя, и девушка рухнула на траву рядом с матерью. Теперь хохотали они обе.

— Лойс был всего на двенадцать лет старше тебя, — тихо сказала Элина, когда они, отсмеявшись, всё ещё лежали на мягкой траве. — Мне повезло сильнее, чем моей матери. Ты родилась четвёртой, и после тебя я была вольна больше не рожать детей. А мама... Она родила восемнадцать сыновей, прежде чем на свет появилась я. Многие из них уже умерли от старости задолго до того, как я родилась. Не представляю, какую боль она пережила, каждые пять лет получая известия об их смертях. Потому мы и не растим мальчиков сами. В три-пять лет их отправляют в закрытые школы, а после выпуска — во взрослую жизнь. Кто-то выбирает Ордена Ремесленников, Воинов или Творцов, кто-то становится купцом или фермером, обзаводится семьёй. Дома помогают своим сынам, поэтому деловые горожанки или купчихи обычно рады таким мужьям и с радостью берут их в дом. Лишь одному из сыновей твоей бабушки повезло стать фаворитом. Твой дядя носит имя Эймон Севера Фейт Лисс.

— Чей он фаворит?

— Кины Дей Лисс.

Рейна удивлённо повернула голову:

— Матроны Дома Лисс?

— Тогда она ещё не была Матроной, да и наследницей не являлась. Она была Доу Ма. Вторая дочь.

— А что случилось с наследницей?

Элина чуть помедлила.

— Говорят, её похитили еретики из секты Равных.

— Секта Равных... — Рейна попыталась припомнить, но не смогла.

— Мне что, поговорить с Корвином, чтобы он увеличил число занятий по истории? Слухи об этой секте ходят уже больше трёх сотен лет!

— История трехсотлетней давности для Корвина — это последние новости! Он заставляет меня штудировать восстания и войны времён Первых! Хочешь, наизусть расскажу, как велась Война Объединения? Я могу!

— Ладно-ладно, не кипятись, — улыбнулась Элина, продолжая смотреть в небо. — Смотри, облако похоже на медвежонка.

Рейна поискала взглядом то, что привлекло внимание матери, но к тому времени у медвежонка уже вытянулась морда, чуть удлинилось туловище и даже появился длинный тонкий хвост:

— А по-моему, это крыса.

— Сейчас да. Вон, вон смотри — всадник на лошади.

— Которого сейчас съест кит, — засмеялась Рейна.

Мать и дочь лежали на траве и придумывали всё новые и новые формы для облаков, пока их не тронул розовый закат.

— Идём, время ужина. Не хотелось бы расстраивать твою бабушку, она всегда так педантично относится к семейным трапезам.

Стол был накрыт в малой столовой — той, что выходила окнами в сад. Севера Дей Фейт сидела во главе стола — прямая, негибкая, с идеально уложенными седыми волосами и спокойным лицом. Справа от неё — Лана Дей Ма Фейт, младшая сестра, почти ровесница, но с более мягкими чертами и внимательными глазами. Слева — Элина. Рядом с ней — Рейна. А вот напротив Рейны, с противоположной стороны стола, сидела Сарина До Фейт — маленькая, с круглыми глазами и ямочками на пухлых щеках. Не так давно ей исполнилось восемнадцать лет, и в честь этого события каштановые, как и у всех Фейт, кудри девчушки были подвязаны пышным сиреневым бантом. Она вертелась на стуле, болтала ногами и поглядывала на Рейну с той особенной наглостью, которая бывает только у детей, слишком рано осознавших свою безнаказанность. Фавориты располагались в том же зале, но за отдельными столами.

— Рейна, — сказала Сарина, едва слуги разнесли суп. — А правда, что ты вчера на балу упала, когда танцевала с мальчиком?

— Нет, — ответила Рейна, стараясь говорить ровно.

— А мне сказали, что упала.

— Кто сказал?

— Моя бабушка, — Сарина широко улыбнулась и посмотрела на Лану. — Она сказала, что ты неловкая и не умеешь выбирать партнёров.

Лана Дей Ма Фейт закашлялась и поднесла к губам бокал. В глазах её мелькнуло что-то похожее на испуг:

— Ну что ты такое говоришь, Сарина?!

— За столом не обсуждают чужие балы, — ровно сказала Элина, обращаясь к племяннице. — Особенно те, на которых тебя не приглашали.

— Но я хочу знать! — Сарина надула губы. — Я тоже скоро буду ходить на балы. Мне нужно знать, как выбирать мужчин.

— Для этого есть твоя мать, — спокойно, но твёрдо сказала Севера. — Она тебя научит. А сейчас — ешь.

Сарина замолчала. Но Рейна видела: маленькая вредина не успокоилась. Она смотрела то на Рейну, то на Элину, то на саму Северу — и искала, где можно ужалить ещё раз.

— А почему ты на балу никого не выбрала?

Рейна замерла с ложкой у рта.

— Что?

— Ну, фаворитов, — Сарина пожала плечами. — Я думала, что ты будешь выбирать. А ты танцевала со всеми подряд и никого не взяла. Тебе что, все отказали?

На мгновение за столом воцарилась тишина. Рейна почувствовала, как к щекам приливает жар. Она открыла рот, чтобы ответить, но не успела.

— Сарина, — ровно сказала Элина, не поднимая глаз от тарелки, — выбор фаворитов — это не покупка в лавке. Это серьёзное решение. Рейна имеет право не торопиться.

— Но она же взрослая! Ей уже семьдесят пять! — Сарина искренне удивилась. — Моя мама говорит, что к этому возрасту уже должна быть ясность.

— Ясность приходит с опытом, а не с возрастом, — спокойно сказала Севера. — Такие вопросы не решаются сгоряча.

— А я думаю — она просто никому не понравилась! — Сарина надула губы. — Иначе почему она никого не выбрала. Может, она боится?

Рейна сжала пальцы под столом. Она видела, как Лайс и Корвин, сидящие лицом к ним, чуть заметно переменились в лице. Оба смотрели на Сарину так, будто прикидывали, как бы отвесить ей подзатыльник, не нарушив при этом этикет.

— Сарина, детка, оставь Рейну в покое, — попыталась утихомирить внучку Лана. — Когда придёт твоё время, ты поймёшь, что выбор фаворита — это не просто «понравился — не понравился». Это ответственность.

— Я знаю! — Сарина закивала. — Мне мама рассказывала. Но Рейна же наследница! Ей нужны мужчины, которые будут её защищать. Если она не выбирает, значит, она не умеет выбирать. Или боится. Я бы на её месте уже десятых выбрала.

— В этом я не сомневаюсь, — усмехнулась Элина. — Ты бы выбрала всех, кто посмотрит в твою сторону.

Сарина не поняла, что это был укол. Она довольно улыбнулась и кивнула:

— Да! Я бы выбрала самых красивых. И сильных. Чтобы они бегали за мной и выполняли всё, что я скажу.

Севера медленно подняла взгляд на сестру. Глаза её были спокойны, но Рейна знала этот взгляд.

— Сарина, когда ты вырастешь, ты поймёшь, что фавориты — не слуги. И если ты будешь относиться к ним как к игрушкам, ты никогда не завоеешь их любовь и уважение.

Сарина моргнула. Посмотрела на свою бабушку. Лана слегка качнула головой — не сейчас. И Сарина, хоть и неохотно, закрыла свой хорошенький, но крайне язвительный ротик.

Ужин продолжился. Говорили о погоде, о предстоящих праздниках, о том, что урожай в этом году обещает быть хорошим. Рейна слушала вполуха, чувствуя, как напряжение в плечах потихоньку отпускает. Она краем глаза заметила, как Лайс и Корвин переглянулись — коротко, понимающе. Они разделяли её раздражение. И это было приятно.

Но долго молчать Сарина не умела.

Когда подали второе блюдо, она снова заговорила, обращаясь уже к Элине:

— Тётя Элина, а вы в семьдесят пять уже выбрали кого-то?

Элина подняла глаза. Улыбнулась той самой улыбкой, которую Рейна знала — спокойной, чуть снисходительной.

— Я выбрала, — сказала она. — Но не всех сразу. И не тех, кто был самым красивым. Я выбирала тех, кому могла доверять.

— И как вы поняли, что им можно доверять?

— Время, — сказала Элина. — Время показывает всё. И если ты хочешь найти мужчину, который будет с тобой не год и не два, а десятилетия и столетия — ты не торопишься. Ты смотришь, ждёшь. И когда понимаешь — ты выбираешь.

Девочка нахмурилась, обдумывая услышанное. Потом перевела взгляд на Рейну:

— Ты тоже смотришь и ждёшь?

Рейна встретила с ней взглядом. И вдруг поняла, что этот вопрос — не просто детская наглость. Сарине действительно было интересно. Она хотела понять, как устроен этот мир, в который ей предстояло войти. Просто она не знала, как спросить иначе.

— Я жду, — сказала Рейна. — Я не хочу ошибиться.

— А если ошибёшься?

Рейна посмотрела на мать. Та едва заметно кивнула — говори.

— Если ошибусь, — сказала Рейна, — я это исправлю. Но лучше не ошибаться.

Сарина задумалась. Потом кивнула, словно приняла какое-то важное решение.

— Ладно, — сказала она. — Я тоже буду ждать. Но недолго. Потому что я хочу, чтобы меня обнимали, целовали и приносили конфеты. Сейчас.

Она обернулась на фаворитов, сидящих за столами и внимательно прислушивающихся к разговору за главным столом. Лайс, Корвин, близнецы... её взгляд задержался на каждом.

— А этих ты тоже ждёшь? — спросила она Рейну почти шёпотом.

За столом повисла тишина. Рейна почувствовала, как Лайс и Корвин одновременно напряглись. А потом она услышала, как Корвин первый раз за весь вечер негромко кашлянул.

Рейна не выдержала и улыбнулась.

— Нет, — сказала она. — Эти уже заняты.

Сарина посмотрела на Элину, потом снова на Рейну. И вдруг её глаза округлились:

— Ой. — Она прижала ладошку к губам. — Я поняла.

Элина чуть заметно усмехнулась, но ничего не сказала. А Севера подняла бокал и произнесла:

— Иногда дети растут так быстро, а иногда — так медленно.

Матрона сделала глоток вина, оставив остальных гадать, было ли это похвалой, упрёком — или и тем и другим одновременно. Рейна смотрела на мать, на бабушку, на маленькую Сарину, которая наконец-то умолкла и теперь сосредоточенно ковырялась в десерте. Лайс и Корвин вернулись к своим блюдам, но Рейна видела: в глазах у них обоих мелькнуло что-то похожее на облегчение.

Чужие дети бывают невыносимы. Даже если они носят твою фамилию.

Глава 4. Цена Дара

Кабинет Рейны находился в восточном крыле — на месте бывшей Игровой, которую бабушка приказала переделать к совершеннолетию внучки. Ремонт проводился в обстановке строжайшей секретности, а потому девушка и не заметила, что её игровая комната, которой она давным-давно не пользовалась, превратилась в нечто иное.

Новые дубовые панели на стенах, тяжёлый письменный стол из светлого дерева, удобное кресло с высокой спинкой. Ковёр с коротким блестящим ворсом, похожий на лужу тягучего мёда, лампы с магическим светом, которые мягко освещали комнату по вечерам, не давая теней. Всё здесь было взрослым. Солидным. Правильным.

Только один стеклянный шкаф у дальней стены выдавал, чем была эта комната раньше. За прозрачными дверцами стояли куклы, деревянные лошадки, на центральной полке величаво восседал вязаный шерстяной заяц, с которым маленькая Рейна так любила засыпать. Его пришлось реставрировать, и на потрепанной, но нежно оберегаемой игрушке появилось несколько аккуратных заплат, а проплешину между ушами закрыли небольшой кожаной шляпой, придавшей зайцу более солидный вид. На нижних полках стояли несколько потрёпанных книжек с яркими картинками на корешках. Всё её детство, аккуратно упакованное в стекло.

Рейна сидела за столом и разбирала почту. Служанка принесла её ещё час назад. Теперь поднос с конвертами уже почти опустел, разделённый на три аккуратные стопки: «Матроне», «Элине» и «Рейне». В них были лишь те письма, что требовали подписей или ответов. Обычная утренняя рутина, к которой она уже начала привыкать.

Подписывая еженедельные счета молочницы, она то и дело поглядывала на три конверта со знакомыми почерками: Леи, Ниры и Стеллы. Последняя, к сожалению, не смогла присутствовать на её празднике. Их Дом отправил её и мать Стеллы в дипломатическую поездку в соседнюю страну. Рейне было очень интересно из первых уст узнать, как живут люди за границами Анимары, поэтому письмо от Стеллы она вскрыла первым.

Стелла писала долго, увлечённо, словно пыталась уместить в несколько страниц всё, что увидела и почувствовала. Она описывала чужие города, где мужчины правили открыто и никто не считал это странным. Она рассказывала о том, как её мать, опытная дипломатка, умело вела переговоры, не повышая голоса, и всё же добивалась своего. Она писала о том, что за границей её воспринимали иначе — не как наследницу Дома, а просто как «дочь посла». И это было странно. Но интересно.

Рейна рассмеялась в голос, узнав, что её подруге поступило несколько предложений о замужестве! Уму непостижимо! Неужели кто-то в мире всерьёз предлагал представительнице правящей элиты Анимары брак?!

Она перечитала этот абзац дважды, но смысл не изменился. Какие-то мужчины — она даже не стала запоминать их имена — всерьёз полагали, что Стелла Ди Катти, будущая наследница одного из Двадцати Домов, могла бы стать их женой. Женой! Будто она была не наследницей, а бесприданницей, которую можно забрать в чужой дом и поселить под чужим именем.

— Безумие, — покачала головой Рейна. Для неё это звучало так же дико, как если бы кто-то предложил ей отказаться от Анимы или перестать носить имя Фейт. Забавно, нелепо, и всё же — это было реально. Где-то там, за границами Анимары, мужчины и женщины жили совершенно иначе. Впрочем, и времени у тех людей было гораздо меньше, ведь даже их королевы жили столько же, сколько и обычные простолюдины Анимары.

Она аккуратно сложила письмо Стеллы, убрала его в конверт и отложила в сторону. Потом взяла письмо от Леи. Внутри — ровные, аккуратные строки, без единой пометки. Лея всегда была образцом аккуратности, даже в письмах. Подруга писала обо всякой ерунде, ведь они недавно виделись, но между строк, почти невзначай, она напонила Рейне о своём брате.

Нира же писала о родных и тоже упоминала брата, вскользь заметив, что скоро тот отправится на столичный Аукцион. И если Рейна не поторопится...

Убрав конверты в стол, девушка вздохнула и машинально посмотрела в окно. Во внутреннем дворе мелькнула знакомая фигура матери — Элина быстрым шагом пересекала галерею в сопровождении Лайса. Даже издалека было видно: она снова куда-то спешила.

Прямолинейность подруг одновременно и забавляла Рейну, и раздражала, но она твердо решила никого не выбирать, пока не съездит на аукцион с мамой. Элина умела выбирать мужчин не по красоте, а по сути. Они уживались вместе, делили свою госпожу без ссор и ревности, а также были ей поддержкой во всём. Именно таких отношений и хотела Рейна, но она понимала, что лишь верный выбор мужчин обеспечит ей такое же семейное счастье, которое есть у её матери. Юный Тео, при всём своём обаянии, не тянул даже на четвертинку умного и рассудительного Корвина.

Обед прошёл в тишине. Стол был накрыт, блюда поданы, но место Элины пустовало. Как и стол её фаворитов. Севера сидела во главе стола с непроницаемым лицом, но Рейна видела, как она поджала губы, бросив короткий взгляд на пустой стул дочери. Лана сидела справа, спокойная, невозмутимая, и не спеша помешивала суп. Сарина, на удивление, не болтала — может быть, чувствовала напряжение, а может, просто берегла силы для новой выходки.

Когда обед закончился, Лана поднялась из-за стола:

— Рейна, идём. Сегодня у нас занятие.

Молча кивнув, девушка вышла в сад следом за своей наставницей по магии. Они вместе направились к отдельно стоящему тренировочному залу — небольшому, но хорошо оборудованному, с высокими окнами и каменным полом. Лана шла впереди, её лёгкая накидка развеивалась на ветру. Рейна шла на пару шагов позади, и вдруг сзади послышался топот маленьких ног.

— Я тоже хочу! — крикнула Сарина, выбегая из дома. — Я хочу заниматься магией! Я уже взрослая!

Но не успела она добежать до них, как её перехватила няня — высокая, сухопарая женщина в сером платье. Она взяла свою воспитанницу на руки и попыталась утащить обратно в дом.

— Госпожа Сарина, у вас сегодня другие занятия, — говорила она. — Ваша бабушка велела вам выучить стихи.

— Не хочу стихи! — Сарина забилась, пытаясь вырваться, но та держала её крепко и уверенно. — Хочу магию!

— Вы ещё слишком юны, госпожа, магия в вас пока спит.

— Значит, надо её разбудить!

— Мы обязательно этим займёмся, — рассудительно заметила няня, ловко уворачиваясь от брыкающихся детских ног. — Давайте попробуем сделать это, выучив стихотворение «О Великая Анима» знаменитого поэта Франца Сина Фейт Лу. Он был одним из сыновей вашей прапрабабушки и написал множество стихов, переживших века...

Лана и Рейна вошли в зал. Дверь закрылась, и звуки из сада стихли. Лана опустилась на низкую скамью у стены и жестом пригласила Рейну сесть напротив.

— Сарина — упрямая девочка, — сказала она с лёгкой улыбкой. — Но она ещё не знает, что магия — это не игра. Это ответственность. Ты уже это понимаешь, не так ли?

Рейна кивнула:

— Магия требует хороших знаний и контроля. Я видела, как мама недавно создала дождевую тучу, но у меня, к сожалению, это пока не получается.

— Проблема с плетениями? — тут же поняла Лана. — Это лишь навык, у тебя достаточно времени, чтобы освоить его. Главное же — верно рассчитывать свои силы. Ты не можешь взять больше, чем твой организм способен выдержать. Взять хотя бы фаворитов... Каждый из них —

это не просто мужчина в твоём доме. Он — часть твоей жизни, которую ты отдаёшь ему. Часть силы. Часть Анимы. Если распылять её попусту — ослабеешь сама. А ослабленная Матрона — плохая Матрона.

Рейна задумалась.

— Поэтому у бабушки всего десять фаворитов? — спросила она. — И она не берёт больше?

— Моя сестра, да и я тоже, — Лана досадливо вздохнула, — уже немолоды. Сил у нас достаточно, чтобы взять ещё пятерых или даже десятерых. Но в нашем возрасте столько уже не требуется, с имеющимися-то не всегда понятно, как справляться. Да и что мы, старухи, можем дать юным мальчишкам?

— Долгую жизнь? — предположила Рейна.

— Разве что долгую молодость, за которую последует жестокая расплата. Ведь стоит нам умереть, годы безжалостно настигнут их и состарят. И ничего естественного в этом не будет. Когда старость приходит день за днём, человек успевает к ней привыкнуть. Но когда она обрушивается разом... не каждый способен это пережить.

— Тётушка, а почему вы раньше мне этого не говорили?

— Потому что скоро ты поедешь на аукцион, и ты должна понимать, что к выбору нужно отнестись со всей ответственностью. Твои первые фавориты, конечно, могут быть и весьма привлекательными мужчинами, но главное, чтобы у каждого из них было доброе и честное сердце.

Рейна надолго замолчала, переваривая услышанное. Лана не стала торопить её, несколько секунд в зале стояла тишина. Затем она поднялась, размяла пальцы и мягко произнесла:

— Довольно тяжёлых разговоров. Лучше покажи мне, как у тебя обстоят дела с плетениями.

Перед сном Рейна предпочитала проветрить голову. Прогулка после вечернего чая была вполне привычным ритуалом, да и сад на закате был особенно прекрасен. Компанию девушке составляла горничная, которая шла чуть позади, рассказывая своей госпоже последние домашние сплетни. Рейна слушала её вполуха, периодически хихикая над рассказом служанки. Оказывается, главная садовница решила взять себе нового мужа — помощника повара из какой-то трактира, которого она недавно привезла из поездки, вот только уже имеющиеся у садовницы мужья оказались против, и единым фронтом выступили против супруги.

— Уж как она их гоняла, госпожа, — со смехом рассказывала девушка, и Рейна в красках представила дородную Оррану и трёх её долговязых, рыжих мужей.

— Дай угадаю, новенький поварёнок тоже рыжий?

— Как огонь, госпожа!

— Тогда понятно, почему она его выбрала, — хихикнула Рейна.

Девушки уже почти завершили прогулку, но слышали голоса. Негромкие, но оживлённые. Из-за угла конюшен доносилось ржание лошадей, звяканье металла и приглушённый мужской смех. Рейна узнала голоса Тира и Тая, и немедленно свернула за угол. Служанка последовала за ней.

У конюшни, в отсветах догорающего дня, стояла Элина. Мать была облачена в лёгкую кожаную броню, поверх которой набросила шерстяной плащ. Седельные сумки Лайса щетинились оружием, за спиной у него виднелся небольшой круглый щит. Тай и Тир, Элиас и Нин были одеты по-походному.

Рейна удивлённо моргнула:

— Мама? — спросила она, подходя ближе. — Ты куда-то уезжаешь?

Элина обернулась. Лицо её было спокойным, даже приветливым. Она улыбнулась той самой улыбкой, которую Рейна знала с детства — тёплой, чуть усталой:

— Да, детка. Обычная деловая поездка. Вернемся через несколько дней.

— Обычная деловая поездка? — переспросила Рейна, глядя на её броню. — Ты не выглядишь так, будто собираешься на переговоры о продаже зерна.

Элина усмехнулась.

— Зерно, моя дорогая, продают по осени, а сейчас ещё лето! Я собираюсь проверить наш сапфировый рудник. Дрейк и Морган вернулись, но их новости не слишком приятные. Глава одного из наших младших Домов оказалась бесталанным управленцем. Возникают перебои с поставкой еды для рабочих, инструменты закупаются самого низкого качества, а ведь чтобы добраться до драгоценных камней, нужно преодолевать базальтовый пласт... В общем, не бери в голову, просто я хочу взглянуть на ситуацию своими глазами.

— И поэтому Лайс прихватил весь свой арсенал?

— Лайс как ребёнок, — фыркнул Тир.

— Без любимого меча не сможет уснуть, как ребёнок без мягкой игрушки! — поддакнул Тай.

Лайс взглянул на весельчаков, и у тех сразу нашлись неотложные дела. Один полез проверять подпругу, другой — принялся осматривать копыта своей лошади.

— Не сердись на них, — улыбнулась Рейна, глядя на фаворита. — Они дразнят тебя потому, что завидуют. Ведь ты всегда готов ко всему. Это — знак уважения.

Лайс хмыкнул, но в глазах его мелькнуло что-то тёплое:

— Я бы сказал, что им нужно повзрослеть, но уже лет сто жду, когда это случится.

— Когда-нибудь, — протянул Тир из-за спины лошади. — Но не сегодня.

Элина улыбнулась, посмотрев на всех своих мужчин, а потом снова перевела взгляд на дочь.

— Я ненадолго. Вернусь, и мы сразу же поедem в столицу. Прогуляемcя по магазинам, посмотрим на разные иностранные диковины, а потом... А потом ты найдешь себе свою головную боль! — закончила она, заметив, что близнецы принялись подтрунивать над более безобидным Нином.

Женщина обняла дочь, поцеловала в лоб и легко взлетела в седло.

— Береги себя, — Рейна улыбнулась матери на прощание, потом заметила, что вся компания уже оказалась в сёдлах, — И вы тоже!

— А ты не забрасывай занятия. Корвин остаётся дома, так что ваши уроки будут проходить как обычно.

— Не волнуйся за нас, госпожа, мы будем беречь нашу Элину, как величайшую драгоценность, — кивнул девушке на прощание Элиас, и всадники поскакали к воротам.

Жизнь в Доме текла своим чередом, хотя теперь Рейне пришлось взять на себя некоторые дела, которым заведовала Элина. Севера Дей Фейт многое доверяла дочери, а теперь, когда та отбыла по делам, оказалась без неё как без рук. Рейне даже пришлось самой побывать в парочке деревень. Конечно, ездила она туда не одна, её сопровождал Корвин, кто-то из фаворитов бабушки и охрана.

— Как не вовремя Элина покинула дом, — в сердцах бросила Матрона в разговоре за обедом, когда Рейна отчитывалась ей о делах в окрестностях.

Но уроки тоже никто не отменял. Суровый Корвин бдил и не давал Рейне спуска:

— Значит, вы считаете, что вызубрили ход Войны Объединения наизусть?

— Мастер Корвин... Мама вам рассказала?

— Девочка, — мужчина резко перешёл на «ты», — я знаю обо всём, что известно твоей матери. Я не только её фаворит, я ей правая рука.

Плохое настроение наставника объяснялось просто. Обычно именно он сопровождал Элину в подобных поездках. На этот раз госпожа приказала ему остаться в Доме — ради Рейны. Корвин подчинился без споров. Но это не означало, что он был доволен.

— Да! Я знаю весь ход Войны Объединения.

— Ну что ж... Рассказывай.

— В 238 году от Исхода Первых Совет Матрон сумел подчинить себе разрозненные и находящиеся в упадке земли. Тогда они решили создать единое сильное государство под своим управлением. Проблема состояла в том, что соседние государства были против.

— Очень информативно, Рейна, — с немалым ехидством произнёс наставник, — и почему же соседи не были счастливы?

Девушка показала ему язык и продолжила:

— Пять королевств и двенадцать герцогств пытались дать решительный отпор Матронам. Вот только Первые поддерживали друг друга и выступали единым фронтом, тогда как короли и герцоги не видели силы в женщинах и не помышляли об объединении. Каждый считал себя достаточно сильным, и каждый ошибся.

— А почему они ошиблись? — спросил Корвин, внимательно глядя на неё.

— Потому что они смотрели на Первых как на женщин, а не как на врагов. Они думали, что смогут договориться, купить или запугать. А Матроны просто брали своё. Методично. Терпеливо. Они не спешили, ведь у них было время, которого не было у королей. Сколько правителей могло смениться за время жизни одной матроны? Шесть или семь?

— Ты спрашиваешь или рассказываешь?

— Простите, мастер, я слегка увлеклась, — Рейна чуть потупилась, и продолжила уже спокойнее, — Матроны отрезали королевства от торговых путей, перекупали их союзников, заключали браки с их наследниками. Когда потомки тех правителей наконец поняли, что происходит, армии Двадцати Домов стояли у их ворот, и единственным выбором было подчиниться или погибнуть. В 331 году война была окончена.

Корвин кивнул, и на его губах появилась лёгкая улыбка:

— Ты хорошо усвоила материал. Я вижу, эти события пришили тебе по сердцу.

— Мне нравится, как мыслили Первые. Они были мудры.

— Ну что ж... Раз эта тема пройдена, я расскажу тебе об эпохе Золотых колыбелей. Или, если цитировать наших соседей, Век Украденных корон.

— Почему украденных?

— Потому что соседние правители внезапно осознали, что трон можно потерять без осады, без битвы и даже без убийства. Это их... напугало.

У Рейны чуть расширились глаза.

— В триста девяносто втором году от Исхода Первых к Совету Матрон обратился король Гримгарда — Луминарис Отис VI. Этот пожилой господин не имел наследника мужского пола, тогда как в его государстве лишь мужчина мог наследовать трон. Луминарис попросил у Совета невесту, которая подарила бы ему сына.

Рейна нахмурилась:

— И что? Совет просто так отправил к нему какую-то женщину?

— Почти, — Корвин улыбнулся, но в улыбке была ирония. — Совет, обеспечив Анимаре выгодное торговое соглашение, отправил к нему Лили Доу Ма Фейт, одну из твоих дальних родственниц. Ей было двести десять лет, она была молода, красива и, что самое главное, уже имела двух дочерей и двенадцать сыновей. Король был очарован. Свадьбу, по законам Гримгарда, сыграли в тот же день как невеста приехала во дворец будущего мужа. И через год Луминарис уже держал на руках своего долгожданного наследника. Впрочем, правил после этого он недолго. Когда мальчику исполнилось семь лет, отец его тихо скончался во сне. Лили Доу Ма Фейт стала регентом при маленьком короле, а через несколько лет присоединила Гримгард к Анимаре.

— Она же не поспособствовала смерти короля? — подозрительно прищурилась девушка.

— Для этого не было причин, он и сам был весьма немолод.

— Но одной такой истории недостаточно, чтобы назвать целую эпоху.

— А с чего ты решила, что история была одна?

— Неужели Совет провернул этот трюк ещё раз?

— Совет почти вдвое увеличил земли нашего государства посредством сыновей своих Домов. Скажу больше, — наставник понизил голос, — этим, как ты выразилась, трюком Матроны пользуются и по сей день!

— Правда?

Корвин хотел было что-то ответить, но осёкся, резко побледнел. Пальцы судорожно впились в ткань камзола над сердцем:

— Элина... — выдохнул он.

Сказать что-то ещё он не успел. Его зашатало, за считанные мгновения Корвин постарел на глазах — осунулся, сгорбился, щеки ввалились, а в помутневшем взгляде стремительно гасла жизнь. Рейна вскочила на ноги, чтобы подхватить наставника, не позволить ему упасть, но не успела. Одежда мешком упала на пол классной комнаты, только тела в ней уже не было. Корвин рассыпался на кости. И мир будто замер.

Глава 5. Пустой дом

Рейна смотрела на кости, на пустой камзол Корвина, на его тетрадь, всё ещё лежавшую на столе, и отказывалась понимать, что произошло.

Откуда-то издалека донёсся крик, а потом вокруг неё всё вдруг ожило. Кто-то куда-то бежал, кто-то кричал или плакал. Мелькали лица, голоса, но всё это проносилось мимо Рейны, как вода мимо камня. Она стояла на месте, глядя на пустую одежду человека, который учил её думать. Она не плакала. Она просто ждала, когда кто-нибудь скажет ей, что это ошибка. Что Корвин сейчас встанет, отряхнет пыль с одежды и продолжит урок. Но никто не сказал.

Матрона Дома возникла в поле зрения девушки так внезапно, будто материализовалась из воздуха. Её лицо было белым. Она не сказала ни слова, только протянула руку и сжала плечо внучки.

— Элина мертва, — эти слова, казалось, разнеслись эхом по всему дому. Они прозвучали в голове Рейны так громко, что сотрясли весь её привычный мир. Будто крепкий дом, построенный из любви и наполненный светом, в один миг рухнул.

А мир продолжал двигаться. Слуги бегали по коридорам, кто-то отдавал приказы, где-то что-то разбилось. Дом Фейт узнал о смерти своей наследницы. Только Рейна всё ещё стояла, не в силах пошевелиться. Она не знала, сколько времени прошло. Ей казалось — вечность, пока кто-то не потянул её за собой, прочь из классной комнаты.

Рейна не помнила, как оказалась в малой гостиной. Кто-то усадил её в кресло, кто-то сунул в руки чашку с чаем. Она смотрела на свои пальцы, сжимающие горячий фарфор, и не чувствовала тепла. Бледная, словно ещё сильнее постаревшая Севера стояла у окна, но голос, которым она отдавала распоряжения, был ровным и твердым:

— Морган, Фрай, немедленно отправляйтесь в путь, найдите мою дочь и верните её домой!

Двое мужчин кивнули и без слов удалились, ещё один — Дрейк — держал свою госпожу под локоть. Он указал Севере взглядом на застывшую Рейну, на чашку в её руках...

— Дорогая, — тихо сказала Матрона. — Выпей чаю, тебе сейчас это нужно.

Рейна машинально кивнула и сделала первый глоток. Горечь разлилась по языку, по горлу, но она была ничем по сравнению с горечью, осевшей где-то глубоко внутри. Она пила, не чувствуя вкуса. Она пила, потому что кто-то сказал ей это сделать.

Голоса становились тише, мир вокруг начал расплываться, девушка почувствовала, как тяжелеют её веки, как тело будто наливается свинцом. Затем кто-то подхватил её на руки. Сквозь накатывающую темноту она успела увидеть светлые волосы и знакомые голубые глаза:

— Лайс, — сонно прошептала она и провалилась в темноту.

Дрейк же, услышав это имя, вздрогнул, Севера издала звук, похожий на едва сдерживаемый всхлип.

— Унеси её в комнату, Дрейк, пусть она поспит.

— Вам бы тоже выпить чего-нибудь успокоительного, — сказал тот.

— Не сейчас. Мне нельзя... Нельзя давать волю эмоциям.

Фаворит тяжело вздохнул и понёс лёгкое, почти невесомое тело в комнату Рейны, оставляя свою госпожу в одиночестве и давая ей то, чего Севере сейчас не хватало больше всего — покоя.

Некоторое время пожилая дама стояла у окна, глядя на сад. На первый взгляд там ничего не изменилось, в то время как изменилось всё.

— Сестра, — окликнул её голос Ланы, и Матроне Дома Фейт снова пришлось брать себя в руки. — Тело Райна обнаружили в библиотеке. Слуги перенесли и его, и Корвина в фамильный склеп.

Севера молча кивнула, давая понять, что услышала. Лана замялась, явно не решаясь задать следующий вопрос. Но она знала — его нужно задать.

— Я говорила с могильщиками. Они спрашивают: готовить им новый саркофаг для Элины или воспользоваться тем, что уже приготовлен для тебя?

Севера медленно повернулась к сестре. Лицо её было спокойным. Слишком спокойным.

— Тот, что для меня, — сказала она. — Элина займёт моё место.

Лана слегка наклонила голову, принимая ответ, однако не удержалась от вопроса:

— А как же...

— Придётся мне ещё пожить. А за это время для меня успеют вырезать новый.

Лана шумно сглотнула. Она знала сестру. Знала, что если Севера приняла решение, его не изменить, но не могла поверить, что даже в такой момент та оставалась спокойной.

— Я распоряджусь, чтобы начали подготовку, — сказала она и вышла.

Севера снова осталась одна.

Она стояла у окна, глядя на сад, и думала о том, что совсем недавно она выбирала камень для своего саркофага. Выбирала гладкий, без лишних узоров и вычурных надписей. Она думала, что скоро найдёт в нём покой и сможет наконец отдохнуть от своей долгой, ох какой долгой жизни. Единственное, о чём Севера Дей Фейт не думала, что в этом саркофаге будет лежать её дочь.

Женщина смежила веки. На мгновение. Всего на мгновение, но его хватило, чтобы из-под них побежали слёзы.

— Ты не должна была умирать раньше меня, — прошептала Севера. — Ты не должна была.

Она открыла глаза, смахнула со щёк влажные дорожки и вышла из комнаты, оставляя за спиной пустоту и тишину.

Дом ждал решений. Дом ждал своей Матроны.

Рейна проснулась от того, что кто-то раздвинул шторы. Свет ударил в глаза, но она не зажмурилась — просто смотрела в потолок, не двигаясь. Она не знала, сколько проспала. Час. Ночь. Двое суток. Это не имело значения.

Служанки помогли ей подняться, умыться и переодеться. Она позволяла делать с собой всё, что нужно. Не сопротивлялась. Не помогала. Просто стояла и ждала, когда её оставят в покое. Но её не оставляли.

В столовой было тихо. Чёрные ленты на портьерах, приглушённый свет, пустые стулья. Севера уже сидела за столом, прямая, как всегда, с непроницаемым лицом. Лана рядом. Сарина, непривычно молчаливая, смотрела в тарелку.

В свою же Рейна даже не взглянула. Да и зачем? Она всё равно не чувствовала вкуса. Краски мира будто поблекли, и тот стал чёрно-белым.

В столовую быстрым шагом вошёл мужчина в дорожной одежде. Севера тут же поднялась из-за стола, и остальные последовали её примеру.

— Мы вернулись, госпожа, — низким голосом сказал Морган, отводя глаза в сторону. — Мы привезли... тела.

На площадке у парадного крыльца было многолюдно. Рейна выхватила взглядом знакомое, хоть и страшно изменившееся лицо и бросилась вниз:

— Нин! Ты жив! — Рейна схватила его за руку, но тот не отреагировал, — Нин, ты слышишь меня?

Он даже не дёрнулся, не вздрогнул, просто стоял, чуть повернув голову влево. Девушка сжала его пальцы, пытаясь вернуть его в реальность:

— Нин, посмотри на меня! Пожалуйста!

Мужчина выглядел ужасно: обычно опрятная одежда висела мешком на исхудавшем теле, мыски сапог сбиты и испачканы, голова была замотана какой-то грязной ветошью. Но сильнее всего Рейну напугали его глаза — пустые, безжизненные.

Девушка с мольбой взглянула на бабушку, которая всё ещё стояла на ступеньках, но взгляд самой Северы был направлен туда же, куда и взгляд Нина — на простую деревянную телегу, накрытую простой мешковиной. Тут и там на ткани проступили бурые пятна.

Севера коротко кивнула, и один из её фаворитов откинул ткань, показав самое страшное, что Рейна когда-либо видела: белое и пустое лицо своей матери. В нём больше не было жизни. Солнечный луч, будто нарочно, высветил багровую струйку крови на её подбородке, и та вспыхнула алым росчерком, разрезая жизнь Рейны на «до» и «после».

— Мама! — выдохнула она и бросилась к ней. Кто-то попытался перехватить её, но Рейна ловкой ящеркой ускользнула из чужих рук. Она упала на колени перед телегой и провела по такому знакомому и родному лицу ладонью, поправила каштановую прядь волос, золото в которых погасло навсегда. И тогда Рейна заплакала.

Слёзы текли и текли, девушка отрешилась от происходящего, она снова не видела и не слышала ничего вокруг, пока кто-то не произнёс имя её матери. И в этом чужом, незнакомом голосе ей почудилось... осуждение?

— Госпожа Матрона... Клянусь, это не моя вина... — с жаром уверяла стоящая на коленях женщина. — Эти проклятые каторжники не подчинялись, и я отправилась за отрядом воинов. Мы встретились с госпожой Элиной на полпути, и я объяснила ей ситуацию. Но госпожа настояла на немедленной поездке к руднику. Я пыталась убедить её дождаться подкрепления! Она сама решила туда поехать... Прошу, поверьте, если бы не её самонадеянность...

— Что ты сказала?! — Рейна резко подошла к говорившей. — Ты обвиняешь в случившемся мою мать?

— Ну что вы, госпожа, это всё каторжники... — женщина ещё ниже склонила голову.

— Ты не должна была уезжать из рудника, Анита Дей Мара, — резко сказала Матрона. — Твоей обязанностью являлось поддержание там порядка, а вместо этого...

— Если бы госпожа Доу Фейт дождалась нашего прибытия... — Договорить она не успела. Воздух вокруг неё дрогнул и тугой змеей обвил шею. Женщина захрипела, инстинктивно пытаясь содрать удавку.

— Я теперь госпожа Доу Фейт, — Рейна сжимала пальцы так, будто душила Аниту не магией, а руками.

Послышались крики. Кто-то дёрнулся вперёд.

— Стоять, — холодно произнесла Севера.

Рейна подошла ближе. В глазах её больше не было слёз — только ледяная ярость.

— Ты смеешь говорить, что моя мать виновата в собственной смерти? Она поехала исправлять последствия твоей бездарности.

— Госпожа, она убьёт её, — всё же подал голос Морган, привлекая внимание Северы.

— Моя наследница в своём праве.

— Уместно ли это... сейчас... и так? — очень осторожно подбирая слова, произнёс фаворит Матроны.

— Ты полагаешь, убийство этой женщины причинит Рейне больший вред, чем вид тела её матери?

Морган помедлил, но всё же кивнул. Севера чуть поморщилась, она уже было собралась прекратить экзекуцию, но Рейна и сама разорвала плетение.

Упавшая на каменные плиты Анита шумно дышала, теперь она не решалась подняться даже на колени. Рейна же взглянула на свои руки, на распластанную у её ног женщину, бросила последний взгляд на мешковину, которую кто-то успел вернуть на место и пошла в дом. Она не

оборачивалась, но с каждой ступенью воздух вокруг неё становился тяжелее, и люди невольно отступали с дороги.

Белый зал, в котором совсем недавно звучала музыка и кружились пары, теперь был затянут чёрным шёлком. Багровые розы в высоких вазах казались пятнами крови на траурных полотнищах.

Те же лица, что были на дне рождения. Как тогда — она стояла рядом с бабушкой и принимала чужие слова. Тогда это были поздравления. Теперь — соболезнования. Всё то же. Только наоборот. Она кивала, благодарила, не слыша ни звука.

Домашний храм был заполнен людьми. Жрицы ходили меж рядов, вознося молитвы и умоляя Мать Земли принять тела покойных, а души отправить к Отцу Неба. Девы в белых свободных одеяниях напоминали всем, кто пришёл проститься с Элиной и её фаворитами, о Великой ссоре, состоявшейся на Небесах. Рейна не вслушивалась в слова, она и без того знала их с детства.

— ...двадцать дочерей Отца Неба... — долетело до неё, когда одна из жриц прошла мимо, касаясь плеч скорбящих.

Рейна смотрела на витраж — женщина в белом, возносящаяся к свету. Под ней — двадцать фигур, склонивших головы. Она видела этот витраж сотни раз. Он никогда не значил для неё ничего, кроме красивой картинки. Теперь он выглядел иначе. Но она не могла понять, почему.

Нира и Лея стояли в первых рядах, бледные, с красными глазами. Сарина, притихшая и серьёзная, держалась за руку Ланы и не сводила глаз с гробов.

Когда крышка саркофага с тяжёлым грохотом встала на место, люди начали расходиться, но только не Рейна. Она осталась стоять и смотреть на гладкий мрамор без прожилок и на имена, выбитые в изножье.

Лея подошла к подруге и взяла её за руку:

— Рейна, идём.

Но та ничего ей не ответила.

— Но все уже ушли, ты же не можешь оставаться тут одна.

Рейна повернула голову, Лея увидела в её глазах что-то, чего раньше не было. Не горе, не ярость, а просто пустоту. И в этой пустоте — огромная, колоссальная тишина.

— Я не одна. Со мной мама.

Люди, желающие проститься с Элиной Доу Фейт, ручьями стекались в поместье. И были среди них не только родовитые дамы, но и селяне, жители окрестных деревень и городков.

Дана Доу Лина так крепко обнимала Рейну вопреки всем законам этикета, что её мужьям пришлось отдирать женщину чуть ли не силой. А та плакала и всё норовила погладить Рейну по голове, будто та была ребёнком.

Наконец, поток гостей иссяк, но по домам разъехались далеко не все. Всё семейство Дома Фейт осталось в поместье. Пожилых дам с их дочерьми разместили в западном крыле, поближе к комнатам Матроны, в восточном же — разместились все четыре внучки, и даже одна правнучка. Рейна слышала, что Энн, как старшая, играла с Сариной и малышкой Сидой, пела песенки и что-то быстро рассказывала, а сестра и племянница заливисто смеялись той в ответ.

Старшие троюродные сёстры Рейны вели себя более степенно. Сейдж и Блэр прибыли вместе со своими фаворитами и обустроивались в комнатах так, будто собирались навсегда в них поселиться.

Голосов в доме было полно, вот только самых важных среди них не было, и от этого он казался пустым.

— Что ты делаешь, Рейна? — спросила её как-то утром Сейдж, когда девушка, как обычно, понесла бабушке почту. В этот раз конвертов было немного, ведь большая часть писем содержала в себе лишь соболезнования и не требовала ответа.

Сейдж перегородила Рейне дорогу и внимательно рассматривала юную наследницу.

— Выполняю свои обязанности, — ровно и спокойно ответила девушка, стараясь не обращать внимания на насмешливый тон родственницы.

— Тебе доверили почту? — с едва различимым оттенком сарказма произнесла Сейдж.

— Ты что-то хотела у меня попросить? — Рейна холодно взглянула на сестру.

— И что бы я могла у тебя попросить?

— Ты живёшь в моём крыле, вот я и решила, что ты хочешь обратиться к его хозяйке с просьбой.

— В твоём? Я думала, весь этот дом принадлежит нашей Матроне.

— Верно. Этот дом, земли и сотни других домов, и даже твой, — Рейна голосом выделила последнее слово, — принадлежат моей бабушке.

Сейдж не отвела взгляда. Лишь улыбнулась чуть шире, чем следовало.

— Ты права, — сказала она. — Весь этот дом принадлежит твоей бабушке. Но ведь пока ещё не тебе, правда?

Женщина сделала шаг в сторону, освобождая проход.

— Просто хотела убедиться, что ты не забываешься. Мы все скорбим, Рейна. Но скорбь не должна мешать видеть вещи такими, какие они есть.

Девушка молча прошла мимо, не оглядываясь. Но всё же услышала лёгкий смешок за спиной и тихое:

— Какая забавная девочка...

Бабушка встретила Рейну раздражённым:

— Да! — Но увидев, кто вошёл в её дверь смягчилась. — Прости, дорогая, день ещё не начался, а я уже завалена делами по шею.

— А почему тебе не помогают твои фавориты?

— Кто? При мне остался лишь Дрейк. Морган и Томас ускакали в Эйтару — кто-то ведь должен управлять городом, пока Инира гостит здесь. Бейл и Дан отправились в столицу с документами. Кримос и Пейс объезжают деревни, а Торн, Флинн и Нейл, — матрона замялась, но затем решительно продолжила, — они наводят порядок на сапфировом руднике.

От упоминания этого проклятого места Рейна вздрогнула и чуть пошатнулась, но понимала, что бабушка рассказала ей о делах не просто так.

— Прости, что не могу помочь тебе как подобает... как подобает наследнице.

— В этом нет твоей вины, детка, — чуть улыбнулась Севера. — Будь добра, оповести всех, что собрание семейного совета состоится в Зелёной зале за час до обеда.

Рейна кивнула, хотя мысль о том, что ей придётся пообщаться с каждой из семи своих тётушек и сестёр, приводила её в уныние.

Зелёной зала называлась вовсе не из-за цвета стен или портьер. Огромные, от пола до потолка, окна выходили на юг, что давало сотням растений в кадках благоденствовать под щедрым солнцем. Даже в самые лютые морозы, когда сад за окнами покрывался снегом, тут было зелено как летом. Эту залу Рейна очень любила, ведь между большими и плотными листьями было так весело прятаться.

Особенную любовь Рейны всегда вызывал стол, стоящий в центре комнаты. Тёмное дерево покрывала искусная резьба, будто кто-то долго летал над землями Дома Фейт, а после перенёс то, что увидел, на этот стол. Каждая долина, каждый холмик и каждая деревня были вырезаны столь кропотливо, что казалось, деревянный мир оживал, когда этого никто не видел.

К счастливым воспоминаниям из детства примешалась горечь от потери. Когда она последний раз летала над этим столом на руках Лайса? Девушка и сама не помнила, ведь как-то незаметно игры в прятки и догонялки превратились в тренировки, а полёты остались где-то в далёком детстве.

Женщины занимали свои места по старшинству: сперва села Севера, затем — её сёстры, Лана и Тея, потом их дочери — Инира, Рада и Селина. Сейдж, Блэр и Рейна заняли свои места последними.

Севера внимательно осмотрела всех своих родственниц, задержав взгляд лишь на внучке. И в нём Рейна увидела поддержку, из-под маски властной Матроны на неё взглянула бабушка.

— Я благодарна вам, вы приехали поддержать нас в этот скорбный момент, — начала Севера, — но время скорби не отменяет времени решений. Мы получили удар, который будет не просто пережить, однако Дом Фейт переживал и худшие дни. Я готова выслушать всё, что вы готовы сказать.

Тишина за столом длилась не больше нескольких ударов сердца, но Рейне показалось — вечность. Она смотрела на резную карту под пальцами и чувствовала, как взгляды родственниц скользят по ней, изучают, взвешивают. Она знала: они ждут, кто заговорит первым.

Рада чуть подалась вперёд, оперлась локтями о стол и сложила пальцы домиком. Жест был доверительным, почти домашним.

— Севера, я понимаю, что сейчас не время для споров, — начала она, и голос её звучал мягко, даже сочувственно. — Мы все скорбим. Но Дом не может позволить себе остановиться. Элина была связующим звеном между провинциями, между нами. И теперь это звено разорвано.

Она перевела взгляд на Рейну.

— Нам нужна уверенность, что наследница сможет взять на себя эту ношу. Не завтра. Не через десять лет. А сейчас. Потому что Совет не будет ждать, да и провинции — тоже. Прости, девочка, но ты ещё слишком юна для всего этого.

— Вопрос не в правах Рейны. Вопрос в том, готова ли она нести ответственность за всех нас? Ведь у наследницы даже нет ни одного фаворита. — подала голос Сейдж. — Никого, кто мог бы защитить её, сопровождать, представлять интересы Дома. Как она поедет в провинции без охраны? Как будет появляться на светских мероприятиях? Она же не может везде таскать за собой фаворитов собственной бабушки.

— Мужчины — дело наживное, — возразила Тея. — Ты осуждаешь Рейну за возраст и отсутствие фаворитов, хотя сама ещё не подарила нашему дому дочь. А ведь тебе уже больше ста шестидесяти.

Щеки Сейдж вспыхнули от этих слов. Фаворитов у неё было чуть больше, чем принято иметь в её возрасте, вот только зачатия происходили всё реже и реже.

— Мама, — возмутилась Рада и сочувственно погладила дочь по руке, — ты же знаешь, что подобные проблемы не редкость. Некрасиво с твоей стороны ставить это в вину Сейдж.

— Она набрала себе пятнадцать фаворитов и отлынивает от семейных дел! Фавориты — это не только мужчины для утех, это верные помощники и толковые спутники! Твои же — тьфу, и растереть!

— Сейдж очень старается соответствовать твоим ожиданиям, бабушка, — тихо произнесла Блэр. Она всегда заступалась за старшую сестру, и этот раз — не исключение.

— К тому же, я вовсе не требую, чтобы Рейна отказывалась от своего наследства! Я всего лишь считаю, что нашей Матроне необходима помощь.

— И кто же из вас хочет её оказать? — с лёгкой усмешкой спросила Лана. — Ты, Рада?

— Если потребуется, могу и я, но считаю, что рядом с Северной должен быть человек опытный. Кто знает, как вести дела, как разговаривать с младшими Домами, как не уронить честь рода. Тот, кто уже управляет крупной провинцией.

— Самой крупной управляет моя дочь, — задумалась Лана, — стоп, ты предлагаешь Иниру?

— Иниру, — легко ответила Рада. — Она управляет самой крупной провинцией из нас всех. У неё есть опыт. Знание людей. Она однажды даже присутствовала на Совете Двадцати!

Рейна слушала их, и внутри неё что-то медленно сжималось.

Её первый семейный совет оказался совсем не таким, каким она его представляла. Никто не кричал. Никто не спорил. Никто не пытался унижить её в открытую. Напротив, тётки и сёстры говорили спокойно, разумно и страшно убедительно. Самое ужасное заключалось в том, что они говорили вслух то, в чём Рейна боялась признаться даже самой себе — она не готова. Она не умеет управлять Домом. Она не знает и половины того, что знала мать!

И пока Севера держит всё на своих плечах, сама Рейна носит письма и вздрагивает от одного упоминания сапфирового рудника.

— Можно подумать... Была на Совете, — ворчливо отозвалась Тея. — Вот бы я удивилась, если бы кто-то из Матрон дал бы слово какой-то Ду! Она просто стояла за спиной Северы!

— Мама, ты против моего предложения?

— Конечно, против!

Инира подняла глаза на свою тётку. Она улыбалась, но взгляд оставался серьёзным. И всё же Рейна уловила в нём что-то неправильное.

— Признаться, сестра, твоё предложение застало меня врасплох. Я никогда не смотрела на себя как на замену Элине. Да и кто бы в самом деле мог её заменить? Это невозможно! К тому же, на меня возложена большая ответственность за Эйтару, раз моя мать обучает нашу юную Рейну. Ещё за несколько дней до трагедии сопровождающий последней партии сапфиров просил усилить гарнизон на руднике. Полагаю, теперь это необходимо сделать как можно скорее. Но если тётушка сочтёт, что сейчас Дом нуждается во мне сильнее, чем Эйтара, я исполню свой долг.

Каждое слово Иниры звучало правильно, разумно... Безупречно. И всё же именно эта безупречность отрезвила Рейну от сомнений, высказанных Радой и Сейдж. В голосе тёти не было скорби. Не было боли. Только холодное спокойствие человека, который давно всё просчитал. И был готов.

— Что вы думаете о нашем предложении, тётя? — Рада взглянула на Северу. Во время их разговора, Матрона ни разу не проявила недовольства, даже наоборот, чуть кивала, будто соглашаясь со сказанным.

Для Рейны, ловившей каждый жест на своём первом семейном совете, кивки бабушки отдавались болью. Ей казалось, что и бабушка согласна с тем, что внучка ни на что не годна. Но матрона резко встала, и все разговоры и перешептывания тут же смолкли. Восемь пар глаз устремились на Северу Дей Фейт и замерли в ожидании.

— Мне понравилось то, что вы сказали, — мягко начала она. И Рада с Сейдж переглянулись. — Есть только одно небольшое замечание... Вы, кажется, забыли, кто стоит перед вами.

Последняя фраза ударила как хлыст, но Матроне было на это плевать.

— Обсуждая, кто станет моей помощницей и преемницей, вы упустили из виду, что я ещё жива и стою перед вами! Что вы, не посвященные, неопытные девчонки, можете знать об управлении одним из Великих Домов²? Вы, кто и близко не приближался к Артефакту Памяти?

— Но ведь Элина тоже ещё не проходила Ритуал! — не удержалась от реплики Сейдж, но умолкла под тяжёлым взглядом Северы.

— Вот именно! Никто, даже моя собственная дочь, не был готов к нему! Я ещё в силах справляться с обязанностями, которые возложила на меня моя мать, Сида Дей Фейт. А вы все... Вы забыли историю собственного Дома. Моя прабабка, так же как и Рейна, стала наследницей своей бабушки после смерти матери. Она стала матроной, будучи ещё совсем молодой, а после — верой и правдой правила Домом Фейт целых триста тридцать восемь лет!

Кто-то нервно сглотнул, Инира смертельно побледнела, глядя на свою Матрону.

² С полным перечнем Великих (Старших) Домов в Анимаре можно ознакомиться в конце книги. (прим. автора)

— Сегодня же после обеда вы все отправитесь по своим домам, даже ты, Лана. Инире давно пора возвращаться к работе с торговыми соглашениями, а ты, как и положено сестре правящей матроны, вновь займёшься управлением Эйтары.

Лана спокойно кивнула, принимая это распоряжение.

— Кто же займётся обучением Рейны? — Рада недовольно сверкнула глазами.

— Я! — Одно короткое слово прозвучало как окончательное решение. И никто не решился перечить своей Матроне.

Глава 6. Сила слова

После отъезда родственников поместье дышало иначе. Рейна шла по дому, и каждый шаг отдавался эхом. Ещё вчера здесь звучали голоса — тётки спорили, слуги суетились, Сейдж смеялась где-то за поворотом. Сегодня было тихо. Так тихо, что Рейна слышала собственное дыхание. Девушка шла в больничное крыло, чтобы проведать Нина.

После того дня, как он вернулся домой, Нина перевели в больничные комнаты, расположенные на первом этаже. Рейна приходила к нему несколько раз, смотрела, как он дышит, погружённый в магический сон. Но сегодня Нина на месте не было, слуги сказали, что он переведён в свои комнаты.

Рейна подошла к его двери и постучала, потом ещё и ещё, но, так и не дождавшись ответа, вошла без приглашения. Мужчина сидел на кровати и смотрел в стену.

Внешне Нин выглядел лучше. Его побрили, переодели в чистое, да и рана на виске почти затянулась. Только серьга-артефакт всё ещё поблёскивала на ухе.

— Как ты? — спросила Рейна, но реакции не последовало. Нин, кажется, и вовсе не заметил, что в его комнату кто-то вошёл. Девушка села рядом, взяла его за руку.

Пальцы Нина были холодными, сухими. Она смотрела на его профиль — осунувшийся, постаревший на двадцать лет. Мужчина, который ещё месяц назад улыбался и шутил с близнецами, теперь казался призраком самого себя.

Они сидели так долго. Солнце передвинулось по комнате, и тени стали длиннее. Рейна не знала, сколько прошло времени.

В дверях появился Дрейк:

— Госпожа Рейна, Матрона просит вас зайти к ней. И... — он помедлил, — Нину нужно время. Позвольте ему побыть одному.

Рейна подняла голову. Посмотрела на Дрейка, потом снова на Нина. Его лицо не изменилось. Она медленно отпустила его руку.

— Я приду завтра, — сказала она. Никто не ответил. Она вышла, закрыла за собой дверь, и в коридоре остановилась, прижавшись спиной к стене. Тишина была тяжёлой.

— Госпожа, вам не стоит задерживаться, — напомнил о себе ожидающий её Дрейк.

Рейна кивнула и пошла по коридору, чувствуя, как внутри неё поднимается тревога. Она не знала, чего ожидать. Может быть, бабушка хочет поговорить о Нине. Или о похоронах. Или просто — спросить, как она себя чувствует. Но оказалась не готовой к тому, что увидела.

Севера перебирала бумаги, что-то помечая на полях. Её лицо было сосредоточенным, почти холодным. Она не смотрела на внучку.

— Бабушка... — начала Рейна.

— Садись, — сказала она, кивнув на стул напротив.

— Ты что-то хотела?

— Секунду, — поднятый указательный палец прервал любые расспросы. Севера, не глядя, протянула руку, взяла один из свитков, развернула его и начала читать. Рейна сидела в тишине и чувствовала, как внутри неё поднимается раздражение. Только вчера бабушка была рядом, поддерживала её. А сегодня вела себя так, будто к ней пришла служанка.

— Бабушка, я только что была у Нина, — не выдержала длительной тишины Рейна. — Он не говорит. Он смотрит в одну точку. Я пыталась... я хотела помочь.

Севера отложила свиток и наконец посмотрела на неё.

— Ты помогла ему?

Рейна замялась.

— Я... я не знаю.

— Тогда не трать время. Он придёт в себя сам. Или нет. Ты не можешь вытащить его силой.

— Но я должна попытаться! — воскликнула Рейна, и голос её дрогнул. — Он потерял всё! Всех! Он единственный, кто выжил! Как я могу просто сидеть и ждать?

— Так займись делом! — в голосе Матроны послышалась сталь, — прекрати слоняться по дому будто призрак.

У Рейны дыхание перехватило, будто бабушка её ударила:

— Моя мать умерла! — вырвалось у неё. — Мои наставники, мои друзья — все умерли! Ты хочешь, чтобы я просто забыла об этом и села за бумаги?

Севера медленно поднялась из-за стола. Она была немного ниже Рейны, но в этот момент казалась выше, чем все башни Дома вместе взятые. Она смотрела на внучку — и в этом взгляде не было ни гнева, ни сочувствия. Только спокойствие и сосредоточенность.

— Ты думаешь, я не знаю, что такое терять? — спросила она тихо и жутко. — Ты думаешь, я не хоронила мать? Друзей? Сыновей? Я похоронила даже единственную дочь, а теперь ты будешь мне рассказывать о потерях?

Рейна застыла в своём кресле:

— Я хоронила их всех, — продолжала Севера. — И каждый раз мне хотелось лечь и перестать дышать, но я вставала и шла к столу. Потому что на мне был Дом. Тысячи людей зависели от того, встану я или нет. И я вставала. Да, твоя мать умерла, и это ужасно. Но Дом не остановится из-за её смерти. Люди не перестанут есть, работать, платить налоги, болеть, рожать и умирать. И если ты думаешь, что горе освобождает тебя от ответственности — ты ошибаешься.

Рука Матроны чуть дрогнула, но она всё же взяла один из свитков и положила его перед Рейной:

— Это запрос из южной провинции. Они просят снизить налоги из-за засухи. Через три часа я жду твой ответ. Выясни, есть ли на нашем складе артефакты-оросители, можно ли будет доставить их в срок, и кто этим займётся, а самое главное, я не должна больше ничего слышать по поводу засухи на юге. Ты поняла меня, Рейна?

Девушка смотрела на протянутый ей свиток. Внутри неё всё кипело. Она хотела крикнуть, что она не готова, что она ничего не понимает ни в налогах, ни в дурацких артефактах-оросителях, что ей нужно время, чтобы оправиться... Но она промолчала. Потому что сейчас бабушка смотрела на неё не как на внучку, переживающую потерю. А как на наследницу, которая должна научиться управлять.

— Хорошо, — сказала она тихо, — я разберусь.

Севера ничего не ответила. Она снова села за стол, взяла следующую бумагу, и её взгляд стал отстранённым, сосредоточенным на словах. Она даже не заметила, как девушка вышла, прижимая свиток к груди.

— Горе не повод бросать дела, — повторила Рейна про себя, потом решительно тряхнула каштановыми волосами и направилась в сторону складов, — ладно, давайте попробуем.

Хранилище артефактов располагалось в подвале. С каждой ступенькой воздух становился плотнее, прохладнее, тяжелее. Здесь пахло камнем, старым деревом и магией — той, что оседает на стенах и предметах, когда их касаются руки поколений. Рейна ещё никогда не спускалась сюда одна. Когда-то, совсем маленькой, она бегала по этим коридорам, притворяясь, будто блуждает по огромному лабиринту с чудовищем внутри, пока Элина разговаривала с хранителем. Тогда это было игрой. Теперь — делом. А чудовищем, обитавшем в лабиринте, оказался древний старик, сидящий за столом при входе.

Стоило Рейне оказаться перед ним, хранитель поднялся, но выше, кажется, не стал. Сгорбленная спина почти не разгибалась, но взгляд покрасневших глаз был острым и живым.

— Госпожа Рейна! — обрадовался он девушке. — Рад видеть вас в своей вотчине. Хотите подобрать себе новый светильник для детской? Или, быть может, самолётный шарик? Где-то у нас была парочка. Красивые, один зелёный как трава, другой — синий как небо.

Едва удержав прорывающийся смешок, Рейна покачала головой.

— Нет, Олли, думаю, сегодня мы обойдёмся без самолётных шариков. Я пришла, чтобы узнать, есть ли у нас артефакты-оросители.

— Как не быть? Конечно, есть. Идёмте!

Неспешно шаркая ногами, старик повёл её по длинному коридору. За ними тенью проследовала пара слуг. Светильники вспыхивали за несколько мгновений до того, как приближались люди, омывая каменный пол и стены чистым желтоватым светом. Хранитель остановился перед одной из дверей, надпись над которой гласила: Бытовые артефакты.

— Сейчас, госпожа, — старик сверился с записями в книге и подошёл к одной из полок. — Вот тут они и хранятся.

Помощники хранителя помогли снять с полки увесистый плоский ящик и водрузили его на стол. Взору Рейны предстали тонкие длинные спицы с шариком на вершине и острым жалом внизу.

— Только, как видите, не все из них заряжены. Ну-ка, быстро рассортируйте артефакты, чтобы госпожа не исколола свои белые ручки, — прикрикнул он на молодых парней, и те тут же принялись за работу.

— Сорок один заряженный артефакт и тринадцать пустых, господин Олли, — сказал один из них.

— Ох ты ж... Госпожа, вы возьмёте только заряженные?

— Нет, Олли, мне нужны все. Где я могу расположиться поудобнее, чтобы зарядить те, что пусты?

Старик несколько суетливо заозирался по сторонам, потом заметил своих подручных и приказал:

— Быстро принесите кресло госпоже. — А когда повеление было выполнено, хранитель вежливо предложил: — Прошу, садитесь, госпожа Рейна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.